

криминальная мелодрама

Марина КРАМЕР

Новая яркая звезда!

Мое жестокое счастье,
или Принцессы тоже плачут

Марина Крамер

**Мое жестокое счастье, или
Принцессы тоже плачут**

«ЭКСМО»

2010

Крамер М.

Мое жестокое счастье, или Принцессы тоже плачут / М. Крамер —
«Эксмо», 2010

Алене приходится бежать из дома, когда отчим начинает грязно приставать к юной падчерице. Но куда податься? Там, за порогом, ее никто не ждет. Беззащитная девушка, как в омут, кидается в замужество. Семейная жизнь оборачивается настоящим кошмаром: «нежный мальчик» Вадик не работает и запивает временные неудачи алкоголем, свекровь забирает всю зарплату и винит во всех бедах невестку. Алена, запуганная скандалами и побоями мужа, сутками пропадает на работе в больнице. В одно из ее дежурств в хирургическое отделение после перестрелки попадает Григорий Грачев – известный в городе бизнесмен. И Алена с первой минуты понимает, что никого и никогда не полюбит сильнее. Двухметровый красавец Григорий вызволяет ее из бед и нищеты. Но за эту волшебную сказку его избранница платит с лихвой...

© Крамер М., 2010

© Эксмо, 2010

Марина Крамер

Мое жестокое счастье, или Принцессы тоже плачут

Дневник.

«Если мне вдруг приходит в голову оглянуться назад, то я всегда почему-то думаю: это не я, а два разных человека живут по одному паспорту. Все у них одинаковое – данные, фотография, а сами они разные. Разве кто-то признал бы в длинноволосой блондинке в красном халате, курящей сигарету и восседающей в кресле на втором этаже загородного особняка, девочку в белой больничной робе? Да ни за что. Но это одна и та же женщина, уж поверьте мне, я-то это знаю, как никто...»

...Ей двадцать три года. Высокая худощавая блондинка с ярко-зелеными глазами, эффектная и видная, она в очередной раз бросила институт и работает сестрой в больнице, в самом грязном и тяжелом отделении – в хирургии. Бомжи, алкаши, пьяные, трезвые, резанные, колотые – все это их контингент. Когда видишь это постоянно, создается ощущение, что нормальных мужчин просто не существует – только это быдло. И что интереснее всего, едва отлежавшись, они начинают лезть под юбку, страшно оскорбляясь, когда им отказывают. Алена так и делает, причем в грубой форме – иначе не доходит. В конце концов, она у себя одна, а кроме того, ревнивый муж прибил бы ее на месте, если бы в чем-то заподозрил. А это с ним происходит регулярно – он ревнует ее к любому, кто попросит передать деньги кондуктору, не говоря уже ни о чем большем.

Как ее угораздило выйти замуж за вспыльчивого, ревнивого и неуравновешенного Вадима – сама до сих пор не понимает, хотя мается уже третий год.

Возможно, этого брака и не было бы, если бы не мать и Алик...

Отчим, молодой, здоровый кобель, начал приставать к двадцатилетней тогда еще Алене через неделю после появления в их с матерью двушке. Огромная горилла с накачанными бицепсами и полным отсутствием серого вещества – Алена всегда удивлялась, что мать вообще в нем нашла? Он прохода девушке не давал, стараясь ухватить то за грудь, то за зад, а однажды просто вырвал задвижку на двери в ванную и, притиснув к стиральной машине, порвал Алены нехитрые шмотки вместе с бельем.

– Ну, куда ж ты, дурочка? – хрипло шептал Алик, пытаясь преодолеть сопротивление. – Я ж тебя не обижу...

Если бы не стаж работы в отделении, где приходилось иной раз самим утихомиривать буйных больных, ей вряд ли удалось бы вырваться от излишне любвеобильного «папика». Ударив его в пах коленом, а потом добавив по темени большой железной кружкой, в которой крахмалился колпак, Алена подперла дверь ящиком для обуви, наскоро оделась и выбежала из квартиры.

Прослonyaвшись по городу до позднего вечера, позвонила Вадиму, с которым встречалась около года.

– Вадик, у меня проблема.

– Что? – обеспокоенно спросил тот.

– Ночевать негде, – честно призналась Алена.

– Опять поцапались?

– Хуже, – со вздохом проговорила она, прислонившись спиной к стеклу телефонной будки. – Я ему голову разбила.

– Приставал? – грозно спросил Вадька, не раз и не два слышавший от нее истории на эту тему.

– А ты как думаешь? Неужели я от скуки ему по репе двинула?

– Ты где сейчас?

– Стою в центре, у кинотеатра «Русь».

– Деньги есть?

– Рублей десять.

– Так, не дергайся, сейчас приеду, – пообещал он, кладя трубку.

Алена села на скамейку, натянув на замерзшие руки рукава старенькой джинсовки. «Ну что за жизнь? Молодая, говорят, красивая, фигура хорошая, и мозги вроде тоже при мне, в институте училась, а живу... теперь вот даже ночевать негде».

Дневник.

«Маман, разумеется, поверит своему Алику, вечно я у нее во всем виновата – и что жизнь ей испортила, и что денег мало приношу, и что мужики ее на меня вечно облизываются. А зачем было рожать в четырнадцать лет? Просила я ее, что ли? И теперь ситуация: дочери двадцать, а матери тридцать четыре! Было бы куда уйти – даже не задумалась бы, но общагу ни в институте, ни в больнице не дают, потому что городская».

Вадим бежал, оглядываясь по сторонам, искал свое сокровище, которое уже совсем примерзло к мраморной скамье. Был он высок, в меру худощав, хотя и совсем не спортивен, очень следил за собой. Как обычно, принес шоколадку, поцеловал Алену, обнял:

– Ну, поехали?

– Куда?

– Ко мне. Я с предками переговорил, хватит нам уже по друзьям шататься, давай жить, как все люди.

– Это что – предложение? – удивилась Алена, зная, что его родители не одобряют их отношений, более того – мать категорически против.

– А ты не согласна? Или выбор есть?

Вот она, ключевая фраза, – нет у Алены выбора.

Семейная жизнь началась с этого высказывания об отсутствии выбора и продолжалась в том же ключе все три года, вплоть до вчерашнего вечера, когда подвыпивший муж прилично поддал Алене за отказ разделить с ним супружеское ложе, то есть диван.

Глядя утром в зеркало, она едва не ревела от злости – фингал во весь правый глаз, губы опухли, на руках – кровоподтеки. Порезвился Вадик... Сейчас на работу придется идти в солнечных очках. И это в декабре-то! Ладно, была бы дорого одета, сошла бы за модную, но в китайском пуховике и старых сапогах...

– Вот же сволочь, а? – разглядывая приобретенное «украшение» в зеркале, пробормотала Алена и вышла на кухню, налила себе кофе под пристальным взглядом свекрови, вынула сигарету.

– Опять?! – вздернула та тщательно выщипанные брови. – Алена, я же просила! Это неприлично!

– Да? – усмехнулась Алена. – А на работу идти в таком виде – прилично?

Сняв очки, она продемонстрировала свекрови синяк, кое-как замазанный тональным кремом.

Свекровь отставила на блюдце фарфоровую чашечку с кофе, зачем-то дотронулась кончиками пальцев до кружевного жабо голубой блузки, поправила убранные в строгую прическу волосы.

– Что это? – спросила она, стараясь не смотреть на посиневшую скулу и заплывший глаз невестки.

– Да бросьте вы, Регина Аркадьевна! – с досадой ответила Алена, возвращая на прежнее место очки. – Вы прекрасно знаете – что. Можно подумать, ваш сын первый раз меня бьет!

– Значит, ты этого заслуживаешь, Аленушка! – отрезала свекровь, моментально приготовившись отражать нападение, если оно вдруг последует. – Мой муж никогда не позволяет себе поднять на меня руку.

– Тогда где же Вадим этому научился? – поинтересовалась Алена, оставив чашку с кофе и в упор глядя на свекровь поверх неуместных солнечных очков. – И что значит – заслуживаю, интересно? Чем? Тем, что горбачусь в больнице и прихожу ночевать домой два раза в неделю, в то время как он лежит на диване и спускает все, что я зарабатываю?

– Он ищет работу, ты ведь знаешь.

– Все два года? Он окончил институт и рад возможности ничего не делать. А я опять бросила учиться, потому что жить нам не на что, а брать у вас я не могу. И после всего этого он еще и лупит меня – не слишком ли?

– А ты подумай, где оказалась бы, если бы Вадим не привел тебя к нам в дом! – немедленно предложила свекровь, никогда не упускавшая возможности напомнить невестке о своем благодеянии.

Разговаривать бесполезно: свекровь, такая идеальная, ухоженная и правильная, никогда не понимала и не желала понимать Алену, которую терпела, зажав нос. Как помойную кошку, что принесло в дом любимое чадо ради озорства.

Алена вымыла кружку и пошла в коридор. Из комнаты вынырнул лохматый и похмельный Вадим.

– Денег оставь! – велел он, протирая заспанные глаза.

– Пошел ты! – процедила она, пытаясь справиться с заевшей молнией на пуховике. – У мамы возьмешь! – Захлопнув дверь перед самым его носом, она, не дожидаясь лифта, побежала по лестнице вниз.

Зима никак не желала становиться нормальной сибирской зимой, постоянно удивляла то резкой оттепелью, то снегопадом и заморозком. Сегодня под ногами чавкало и хлюпало, посыпанный специальной смесью снег растаял и напоминал грязно-серую кашу. В такую погоду и люди выглядели какими-то серыми, съезжившимися. На остановке находилась толпа, автобусы ходили редко. «Да что ж такое-то, – с досадой подумала девушка, напряженно вглядываясь в ту сторону, откуда должно было подойти маршрутное такси. – И так денег нет, теперь еще и за маршрутку рассчитываться». Но вот показался «пазик», и Алена вместе с толпой двинулась к нему. Пробравшись на заднюю площадку, она забилась на сиденье в самый угол, подняла воротник пуховика и отвернулась к окну, чтобы хоть как-то оградить себя от любопытных взглядов соседей.

Переодеваясь в персоналке в костюм, Алена поймала на себе взгляд напарницы Таньки. Веселая, миловидная брюнетка чуть постарше самой Алены, Танька была, пожалуй, единственной ее приятельницей.

– Опять? – с сочувствием спросила она.

– Ой, Тань, давай не будем! Свекровь меня все утро полоскала, и ты еще!

– Слушай, ну наберись ты смелости и вали от него! Дураку ясно, что дальше будет только хуже. – Танька красила перед зеркалом свои пухлые губы, тщательно накладывая помаду кисточкой. – Посмотри, на кого ты похожа, ведь ужас! Красивая, стройная, интересная – а выглядишь дешевкой, ей-богу, да еще и постоянно в синяках! Ты вокруг-то оглянись, на тебя ведь вся ординаторская облизывается, и не только наша, между прочим!

– И что? Начать соглашаться на каждое предложение? Проблем-то не убавится, скорее наоборот, меня тогда Вадька точно пришибет. Помнишь, на прошлый Новый год чем дело кончилось, когда меня заведующий танцевать пригласил в кафе? Этот дурак мне три пальца сломал.

– А ведь я тебе говорила, не бери его с собой. Вечно ты в Тулу со своим самоваром! Любовь, блин! – фыркнула Танька, убирая помаду в косметичку.

– Господи, да какая там любовь! Мне идти некуда, ты ведь знаешь! Любовь! – Алена возмущенно передернула плечами. – Пойду я накрываться, а ты старшей шепни, что я на планерку не выйду – куда с такой мордой?

– Хорошо. Ты дежуришь сегодня?

– Да, полторушка.

Танька убежала на планерку, а Алена побрела в свою перевязочную, извлекла там из бикса хирургическую маску, которая закрывает всю голову и лицо, оставляя только глаза, нацепила ее, спрятав волосы. Фингал, конечно, все равно виден, но поменьше все-таки. Да и не впервой – все отделение в курсе ее бурной личной жизни, очень уж она наглядная, жизнь-то.

Сейчас уже никто из докторов не изощряется в островах по этому поводу, а вот раньше! Алена постоянно плакала от стыда и обиды, пока, наконец, сам заведующий не запретил комментировать ее синяки и ссадины, которыми очень часто оказывались украшены Аленыны лицо и руки. Никто не мог понять, почему она позволяет своему мужу вытворять такое, но что – каждому лично объяснять?

– Ох, горе ты, Аленка, горе! – делая пункцию больному, говорил пожилой Андрей Сергеевич. – Такая видная девка, а живешь с идиотом. Дала бы сдачи разок, он бы в другой раз думал.

– Ага! – усмехнувшись невесело, проговорила Алена. – Мечтаете лицеизреть меня в собственном отделении на койке, а не в перевязочной?

– Нет, подозреваю, что у него сразу же пропала бы охота тебя трогать.

– Не думаю, Андрей Сергеевич, – она начала собирать инструменты. – Человек, однажды ударивший женщину, уже не остановится.

– Ну, ведь умница, сама все прекрасно понимаешь, а делаешь глупости.

Подобные разговоры он заводил с ней постоянно, жалел, относился по-отечески, но безрезультатно – уйти от мужа Алена не могла, оставалось терпеть.

...После обеда, часа в четыре, когда дневная смена начала собираться домой, она прилегла на кушетку в персоналке и задремала. Девчонки ее не трогали, знали, что спит она чутко и сразу вскочит, если будет надо. Но сегодня ничего не происходило, поступлений не было, и Алена спокойно проспала до шести вечера, когда нужно было делать уколы и капельницы.

Она уже почти закончила, когда прибежала Милочка, дежурившая на посту. Она работала два месяца, всего боялась и, чуть что, впадала в панику. Если что-то случалось, ее удлинненное личико выражало испуг и растерянность, Милочка начинала бестолково метаться по коридору, совершенно теряя голову. Вот и сейчас она влетела в процедурный кабинет и, округлив глаза, зачастила:

– Алена, позвонил ответственный врач, велел готовить спецпалату, сейчас какого-то крутого поднимут! Говорит, даже с охраной!

– Ну иди, готовь, – пожала Алена плечами.

– А заведующий завтра что скажет, а? Ведь без его ведома...

– Милка, не дури мне голову – ответственный распорядился, значит, все! Наше дело маленькое.

Милочка убежала, а Алена села вместо нее на пост. Буквально через двадцать минут на площадке щелкнули двери лифта и послышался резвый топот и скрип каталки. Увидев перед собой шестерых бритых крепких парней в кожанках, Алена слегка струхнула. Один, навалившись грудью на барьер поста, рывкнул ей прямо в лицо:

– Чего расселась, кукла? Где нам тут палату обещали?

– Где история болезни? – взяв себя в руки, спросила девушка.

Тонкая папка шлепнулась на стол.

– А теперь оторви зад и проводи! – приказал браток.

– В конец коридора, там направо, сами не заблудитесь, – ответила Алена, записывая данные в журнал, и в тот же миг сильные руки подняли ее за костюмную рубашку и перекинули через пост, уронив на пол. Она упала на четвереньки прямо рядом с каталкой, та же рука взяла ее за шиворот и поставила на ноги.

– Я не понял – ты сильно грамотная? – лениво произнес браток. – Сейчас под второй глаз фару нарисую.

– Не надо, – попросила Алена, пытаясь стоять ровно и не трястись. – Идемте.

На всякий случай она даже не взглянула на больного, лежащего на каталке, вообще боялась оглянуться или сделать лишнее движение, памятуя о перелете через пост. В палате все было готово – постель расправлена, свет горит...

– Перекладывайте на постель, – сказала Алена парням, вошедшим за ней, и убрала одеяло.

Они легко подняли лежащего на каталке и бережно опустили на кровать. Девушка приблизилась, чтобы накрыть его одеялом, и замерла.

«Господи, я подобного и не видела никогда», – пронеслось в Алениной голове. Перед ней лежал такой мужчина, что у нее заныло внутри от желания хотя бы просто прикоснуться. Пospешно накинув одеяло на это великолепное тело, Алена, вспыхнув, выскочила из палаты. За ней вышел тот самый браток, что так небрежно заставил ее показать им дорогу.

– Слышь, кукла, ты за старшую тут? – взяв Алену за локоть, спросил он.

– Сейчас – да.

– Короче, подруга, сделай все, как папе родному бы сделала.

– У меня нет папы.

– Твои подробности. Главное, чтобы все было правильно, и в обиде не будешь, – с этими словами он сунул ей в нагрудный карман зеленую бумажку, не забыв при этом пройтись пальцем по груди. Алена отпрянула, вытащила деньги и запихнула их ему за воротник футболки.

– Я зарплату получаю.

– Ну, как знаешь.

Алена взяла историю и побрела в процедурный кабинет заряжать капельницу. Судя по титульному листу карты, пациенту было тридцать лет, звали его Григорием Валерьевичем Грачевым. В графе «профессия» стояла расплывчатая запись «частный предприниматель». Ну конечно! С каких пор частные предприниматели гуляют с такой охраной? Имелись у гражданина два огнестрельных ранения в левое плечо и левое подреберье, его прооперировали, удалив селезенку.

«Чует мое сердце, побегаю я сегодня, а мне ведь еще и завтра до пяти работать. Черт возьми, почему так не везет? И не наше отделение сегодня принимает, а этого к нам закинули, видимо, и правда не так прост».

Алена взяла жгут и стойку с капельницей и пошла к больному. Охрана его уже вполне освоилась в больнице, сняв куртки и расположившись во второй комнате на диване. Двое

сидели с больным – один в изголовье, другой в ногах. При Аленином появлении оба вскочили, вынув пистолеты. У нее от страха затряслись руки.

– А, это ты! – протянул один, пряча оружие. – Заходи, чего встала?

Он посторонился, насмешливо оглядывая побелевшую от страха медсестру, и, так как она не шевелилась, подстегнул:

– Ну? Сквозняк будем разводить, или ты уже войдешь все-таки?

Алена вошла, опустив стойку возле кровати и касаясь руки больного окоченевшими вмиг пальцами. Он вздрогнул и открыл глаза – холодные синие льдины уставились ей в лицо.

– Григорий Валерьевич, вы, может, пить хотите? – тихо спросил один из охранников.

– Нет. Ты кто? – спросил он у девушки чуть хрипловатым голосом.

– Алена.

– Где я?

– В больнице, у вас плечо прострелено и левый бок. Дайте мне руку, пожалуйста, я поставлю капельницу, – попросила она, теряясь под его взглядом.

Он вытянул руку и сжал кулак, вена надулась в палец толщиной, но руки у Алены ходили ходуном, она боялась даже притронуться.

– Кто девчонку напугал? – негромко спросил он, глянув в сторону охраны. – Ты, Кочан? Кочерыжку вырву.

– Да я ничего, – пожал плечами Аленин знакомец.

– Вышли все! – велел Грачев, и вмиг никого не стало. – Коли, не бойся, – сказал он, закрывая глаза.

Алена собрала нервы в кулак и быстро вколола в вену, укрепила иглу пластырем.

– Посиди со мной, Алена, – попросил Грачев, не открывая глаз.

– Мне нужно работать...

– Немного, пять минут, прошу тебя...

Она присела на табуретку возле кровати. Здоровой рукой он взял ее пальцы, и от неожиданности Алена вздрогнула.

– Ты меня боишься? – удивился Грачев. – Не надо, не обижу. Откуда синяк такой?

– Было дело, – уклонилась она от ответа.

Его пальцы нащупали тонкое обручальное кольцо на правой руке.

– Ты замужем?

– Да, – вздохнула Алена, вспомнив о своем драгоценном супруге, который сейчас наверняка сидит в каком-нибудь баре со своими друзьями и пьет пиво.

– И давно?

– Три года.

– И дети есть?

– Нет, – «к счастью», добавила она уже про себя.

– Сколько же тебе лет? – продолжал допрос Грачев, не выпуская ее руку.

– Двадцать три, – она поднялась, собираясь уходить, но он удержал:

– Побудь еще немного.

– У меня очень много работы, правда. Я ведь приду к вам убирать капельницу... Пожалуйста, если это возможно, попросите свою охрану не вынимать оружие, это очень пугает, я могу сделать что-то не то.

– Хорошо. Но ты точно зайдешь? – недоверчиво спросил он, не выпуская ее пальцев.

– Куда же я денусь! Я еще и завтра приду перевязки делать.

– Разве ты утром не сменишься? – удивился Грачев.

– Нет, я до пяти работаю.

– Кошмар.

– Я привыкла.

Аккуратно высвободив пальцы, Алена вышла из палаты, Кочан, стоявший за дверью вместе с остальными, увязался за ней следом.

– Слышь, а нельзя поменять местами кровать и диван? А то он лежит как на ладони, чуть что – сразу грохнут.

– Кто? – удивилась она.

– Желающих полно, – усмехнулся Кочан. – Так можно?

– Меняйте, мне-то что?

– Отлично. Слушай, а ты ничего, красивая, да и не борзая вроде, я таких люблю! – подмигнул он. – Может, поладим?

– Нет.

– А что так?

– Я замужем.

– Да ладно! – не поверил он, и Алена продемонстрировала обручальное кольцо. – Так я тебе не замуж предлагаю, а пообщаться немного в неформальной обстановке.

– Мне некогда.

– Ну, как знаешь!

И он удалился в палату к Грачеву, а Алена пошла в курилку, чтобы немного привести себя в чувство, села на подоконник и задумалась, прикуривая. Денег до полочки не хватит, это ясно, сапоги вот-вот развалятся, на новые денег, увы, нет и не будет. Большую часть зарплаты она отдавала свекрови, чтобы не выслушивать ее причитания по поводу нахлебников и захребетников, относящиеся скорее к ее сыну, чем к Алене, но ему она этого не говорила, высказывала только невестке.

– Аленка, вот ты где! – вырвал ее из тягостных раздумий голос Милки. – Мы тебя ужинать ждем.

– Да, иду, – Алена спрыгнула с подоконника и пошла в персоналку, где пахло жареной на сале картошкой.

– Ну, где ты блуждаешь опять, Алимова? – накинулась на Алenu Людмила Олеговна, самая пожилая медсестра в отделении, одинокая тетка лет сорока пяти, воспитывающая без мужа двух девочек. – Остывает все!

– Не бухти, Олеговна! – отмахнулась Алена, садясь на диван и подтягивая к себе тарелку с умопомрачительно пахнущей картошкой.

– Девчонки, а я сегодня та-ак струхнула, – вступила в разговор санитарка Надюшка, работавшая в перевязочной вместе с Аленой. – Пошла полы мыть в сорок шестой палате, толкаю дверь – а на меня жлоб выскакивает! Ты кто, говорит? А я обалдела и отвечаю: Надя из перевязочной... – Тут все дружно захохотали, представив выражение круглого Надюшкиного лица, и Надежда немного обиделась: – Да ладно вам, дальше слушайте! А он – что делать собираешься? Полы, говорю, мыть буду... Так он даже в ведро заглянул, ей-богу! Что же это за фрукт там лежит, что они даже воду в ведре проверяют?

– Нам не скажут, – заверила Людмила Олеговна, подкладывая картошку в Аленину тарелку. – Завтра докторам и заведующему заплатят, а с нас потом требовать будут, мол, деньги уплачены – шевелитесь. И ведь никто не спросит, а дошли до нас-то деньги эти или нет.

– Вы, Людмила Олеговна, только о деньгах и думаете, – вполголоса высказалась Милочка.

– Да?! – взвилась женщина, вскочив и уперев руки в бока. – Ты-то, сопля, что об этом понимаешь?! Или ты растишь двоих детей без отца, а? Крутишься на двух работах, чтобы им на завтрак кусок колбасы купить? Нет, ты с папой-мамой живешь, на всем готовом, и работа эта тебе только как побочный заработок, чтобы на автобус у мамы не просить! И в институт метишь на тот год? Потому и работаешь как попало, препараты до сих пор путаешь, ни доз не знаешь, ничего! А мы с Аленкой должны вкалывать, как каторжные, потому что нам семьи кормить надо, потому что у меня дети, а у нее мужик-захребетник!

– А это ваши проблемы, между прочим! – вдруг бросила Милочка, с вызовом глядя на покрасневшую от гнева Людмилу Олеговну. – Надо правильно выходить замуж и потом так себя вести, чтобы мужик не сбегал и не оставлял с двумя детьми, вот!

Людмила Олеговна от гнева не могла сказать ни слова, хватала ртом воздух, а Алена спокойно взяла ее за руку и сказала, не глядя ни на кого:

– Олеговна, расслабься. Зачем доказывать глупому ребенку, что он глуп? Поживет, пообломается немного, убедится, насколько все в жизни сложно и нерадушно. Садись, чайку попьем, – усадив напарницу обратно на диван, она взяла кружку и, налив крепкого чая, протянула немного успокоившейся Олеговне.

Милочка повернулась к Алене и хотела что-то сказать, но та предостерегающе глянула и сказала:

– Лучше оставь свое мнение при себе, иначе завтра же вылетишь из нашей смены. А больше с тобой никто возиться не станет – нахальных и бестолковых дур нигде не любят. И мы-то тебя терпим только потому, что больше ни одна смена тебя не захотела, а мы пожалели. Так что закрой рот и молчи.

Милочка обиженно поджала губы и села на краешек дивана. В словах Алены не было ни слова выдумки – Милка не понравилась девчонкам в отделении сразу, как только устроилась на работу. Она с первого дня поглядывала на всех свысока, кичилась тем, что готовится поступать в институт, и общалась в основном с Аленой, так как услышала, что та тоже учится. И именно Алена и Людмила Олеговна согласились взять ее в свою смену, так как больше никто не захотел учить новую сестру с таким характером и отношением к коллегам.

Медсестры уже заканчивали ужин, когда к ним вошел один из грачевских охранников:

– Девки, там у нашего температура, кажется, посмотрите кто-нибудь!

Алена побежала в палату, за ней – Милка, успевшая прихватить с поста тонометр и градусник.

Грачев метался по постели, от него просто веяло жаром, даже градусник можно было не ставить – сорок, не меньше.

– Может, врача? – предложила перепуганная мордами охраны Милка, опасливо оглядываясь.

– Не надо, я сама. Неси лед и чистую простыню, я пока «литичку» сделаю.

Обернув горевшее тело Грачева холодной мокрой простыней, Алена обложила его еще и пузырями со льдом, сделала два укола.

– Иди спать, – велела она Милке. – Я посижу.

– Может, лучше я? – нерешительно предложила она. – Тебе ведь еще завтра весь день...

– Ты не справишься. Олеговне скажи, что ее будить не буду, санитарки тоже пусть ложатся, только записку мне на пост киньте, кого во сколько утром поднять.

Обычно они дежурили ночью по очереди, выходило по два часа, иногда санитарки предлагали свою помощь, если не успевали или не хотели мыть с вечера длинный коридор. Но сегодня поднимать кого-либо на дежурство Алена не стала.

Она осталась одна в компании шестерых мужиков с явно уголовным прошлым и настоящим. Они зыркали в ее сторону, но Алена не обращала внимания, все мысли были заняты только тем, как бы сбить температуру. К пяти утра ей это удалось, жар у Грачева спал, он перестал метаться и стонать, задышал спокойнее, засыпая. Алена тихо встала и вышла на пост. Ложиться смысла уже не было – через час подавать сводку о больных в приемное отделение. Она вынула сигарету и пошла в курилку, где обнаружила Кочана.

– Ты что, следишь за мной? – спросила девушка, доставая зажигалку.

– А может, это ты за мной следишь? – улыбнулся он. – Слушай, а правда, кто тебе в глаз дал?

– Что это вам всем мой глаз покоя не дает? В темноте на дверь наткнулась.

– Ну да! А дверь эта на кулак походила почему-то. Что я – по морде никого не бил? Кому ты лечишь?

– Отстань, а? – попросила она. – И вообще – тебе не пора к объекту?

– Нет. Сейчас не мое время.

– О, у вас прямо как у нас! – усмехнулась Алена. – Все по часам! Ладно, мне пора уколы делать, к твоему тоже зайду.

– Буду ждать с нетерпением!

Весь день глаза у нее слипались, она еле шевелила руками, то и дело путая инструменты и раздражая врачей своей медлительностью.

– Алимова, у тебя что – обе руки левые? – спросил удивленный заведующий, когда они возвращались из реанимации. – Что с тобой?

– Дежурство тяжелое было. В сорок шестой палате послеоперационный температуру дал почти сорок один, до пяти утра ничего сделать не могла.

– Ну, потерпи, скоро домой пойдешь, отоспишься.

Мечты, мечты...

«У меня дома отоспишься, как же! Свекровь искренне считает, что на моей работе уставать невозможно, поэтому придумывает все новые и новые дела по дому, которые нужно сделать именно в тот день, когда я вернусь с полторушки. И попробуй откажись – сразу начнется: какая я неблагодарная, какая ленивая, как ничем не хочу ей помочь, как нет от меня никакого толку... Короче, проще сжать зубы и сделать, чем выслушивать...»

Алена уже вышла из больничного двора, направляясь к остановке, когда рядом с ней остановился огромный серебристый джип. Стекло передней двери поползло вниз, и в окне появилась улыбающаяся физиономия Кочана:

– Садись, кукла, прокачу!

– Спасибо, я на автобусе.

– Садись, тебе говорят, Григорий Валерьевич велел тебя домой доставить.

– Не надо.

– Мне что, выйти и силой тебя запихнуть? – разозлился Кочан, открывая дверку. – Сказал, садись!

Ей ничего не оставалось делать, как подчиниться и сесть на заднее сиденье. Возможно, в другое время она разглядывала бы тачку во все глаза, но не сегодня – так устала, что не заметила, как задремала, едва успев назвать адрес. Очнувшись оттого, что ее трясли за плечо.

– Эй, подруга, твоя остановка! Ну, ты здорова спать, еле добудился! – весело сказал Кочан. – Что же работаешь так много, аж на ходу спишь? Муж не обеспечивает?

– Не твое дело, – пробурчала Алена, вылезая из машины.

– Понятно. Надо правильных мужей выбирать, чтобы по ночам не в больничке мантулить, а дома в постели кувыряться!

Это было сказано уже во второй раз за сутки!

– И где ты был всю мою жизнь со своими советами? – разозлилась она. – Спасибо, что довез.

– Да не за что, красавица! – захохотал Кочан, и джип сорвался с места, распулав стаю голубей, которых регулярно прикармливали старушки.

Войдя в квартиру, Алена без сил опустилась на пол в прихожей.

– Господи, как же все обрыдло! – пробормотала она вполголоса, понимая, что даже сил снять сапоги у нее не осталось.

Вадим вышел из кухни, уставился на жену:

– Ты чего на полу?

– Устала...

Он подошел, помог раздеться, довел до комнаты.

– Там мать хрусталь велела в стенке перемыть... да ладно, я сам, – сказал он, укрывая Алену одеялом. – Поспи.

«Сто процентов, ему деньги нужны, и потому решил задобрить меня... Денег у меня все равно нет, до полочки осталось ровно сто рублей и две недели».

...Проснулась она от ора свекрови:

– Вадим, это не мужское дело! Драить посуду должна женщина! Где твоя жена?

– Мать, потише, – попросил Вадим. – Она устала, пусть поспит.

– Вадик, сынок, она только и делает, что устает и спит! И потом – что произошло у вас позавчера?

– Не лезь!

– Как я могу не лезть, когда все соседи шушукаются о том, что мой сын бьет жену?!

– Я ее не бью, а позавчера... Ты ж понимаешь – выпил немного, Аленка всплила, слово за слово...

– Вадик, я тебя очень прошу, сынок, не трогай ее больше! Это не на нее, а на нас бросает тень, пойми! Ведь ты воспитанный мальчик, из приличной семьи! Ей вообще повезло, что она попала в наш дом, что мы с отцом терпим ее присутствие рядом с тобой. И брось сейчас же тряпку, пусть Алена встанет и доделает!

Хлопнула дверь спальни.

«Ясно – пошла рыдать и заламывать руки», – Алена поднялась и побрела в гостиную, молча отстранила Вадима от таза с мыльной водой и стала домывать хрустальные фужеры. Муж уселся в кресло, наблюдая за ней.

– Аленка, может, в кино рванем?

– Деньги появились? – поинтересовалась она.

– Ну, что ты опять? Все деньги, деньги... Одно бабло на уме! Скучно с тобой!

– Да? Зато с тобой очень весело! Посмотри на меня – у меня глаз фиолетовый, губа опухла... Вадим, я не могу так больше! А деньги – ты понятия не имеешь, как их заработать, зато хорошо знаешь, как потратить!

Алена со злостью швырнула тряпку в таз и пошла в комнату, упала там на диван и заплакала. Муж притаился следом, сел рядом, положил руку на спину.

– Слушай, ну, хватит уже! Что ты реवेशь все время, как старая бабка, честное слово! – проговорил он с досадой. – У моих друзей жены как жены, веселые, погулять любят, тусовки всякие, а ты...

– Я?! А что я?! – закричала Алена, сев. – У жен твоих друзей мужья деньги зарабатывают, а я все сама, все сама, и ты еще погоняешь меня, свесив ножки! Мне некогда по тусовкам бегать, и сил нет, понятно?! На работе дурдом, домой идешь – ноги не несут, то же самое!

– А что тебе не нравится? – заорал Вадим в ответ. – Я не виноват, что этой стране не нужны инженеры-электронщики, а нужны торгаши и быки с квадратными мордами! Я не для того пять лет учился, чтобы на рынке трусами торговать! А ты, милая, сначала институт закончи, потом меня жить учи!

– Я закончила бы его давно, да тебе жрать нечего будет, если я работу брошу! Я из-за тебя не могу никак последний курс отучиться, потому что не хочу матери твоей на шею сесть, понял? И не тычь мне своим высшим образованием, все равно от него толку никакого!

Он ударил ее по щеке и вышел, шарахнув дверью. Вот так всегда – стоило заговорить с ним о работе, как он тут же строил из себя непонятого гения и отвечивал Алене оплеухи, якобы в сердцах.

Ночевать он не пришел, Алена не очень расстроилась, а Регина пилила ее все утро деревянной пилой. Наконец Аленино терпение лопнуло, и она заорала:

– Я что, всю ночь должна была по городу за ним бегать? Не месяц май, между прочим, мороз под тридцать! Никуда сынок ваш не делся, лежит себе у Димки на диване, пивом голову лечит!

– Да, ребенок от такой жизни пить начал! – прослезилась свекровь. – А все ты, вечно чем-то недовольна, все тебе не так! Живешь, как у Христа за пазухой, на всем готовом, другая бы радовалась!

– На всем готовом?! Да кто ж это готовое готовит, кроме меня-то?! Я ж вам даже зарплату почти всю отдаю, Регина Аркадьевна! – Алена даже задохнулась от такой несправедливости.

Дневник.

«Дом все три года на мне, я пашу, как ломовая лошадь, стараясь угодить всем, и вечно мною недовольны. И при этом я еще дежурю по три полторушки в неделю, нарушая все мыслимые и немыслимые нормы. Хорошо еще, что старшая медсестра понимает мою проблему, раскидывает в графике эти лишние смены по девчонкам, а они потом отдают мне деньги. Не жизнь – сказка просто!»

Нервы сдали окончательно, Алена вскочила из-за стола и, кое-как одевшись, выбежала на улицу. Ее душили слезы, она ничего не могла с ними поделать, они катились из глаз помимо воли. Хорошо еще, что не успела накраситься...

Юркнув из персоналки в перевязочный, она опять надела хирургическую маску и стала накрываться.

В палате у модного больного Алена оказалась около часа дня. Ей обрадовались, как родной:

– Аленушка, добрый день! – Грачев приветливо улыбался. – Я уж думал, что ты меня забыла!

– Нет. Давайте я посмотрю повязки.

Он откинул одеяло, и Алена опять почувствовала странное желание прикоснуться к нему. Дотронувшись пальцами до повязки на левом боку, девушка вздрогнула, а он внимательно посмотрел на нее.

– У тебя такие руки нежные, боль проходит...

– Вы мне льстите. – Она поменяла повязку на боку и приступила к плечу, но Грачев перехватил ее руку и стал внимательно разглядывать.

– Надо же, какие пальчики тоненькие, светятся просто...

Алена совсем смутилась, выдернула руку, закончила перевязку и почти бегом рванула из палаты, но он окликнул:

– Алена, ты когда в ночь дежуришь?

– Сегодня.

– Придешь ко мне вечером? Пожалуйста, приходи, – попросил он жалобно. – Я устал от этих уродов, хочу с нормальным человеком пообщаться.

– Я не по этой части, – автоматически ответила Алена, в душе ругая себя за глупость.

– Если Гриша Грач позвал тебя пообщаться, можешь быть спокойна – ничего другого тебе не грозит, – насмешливо откликнулся он. – Разве только сама чего захочешь...

И она пришла. Было совсем поздно, часов двенадцать, наверное, но Грачев не спал, а охрана при Аленином появлении сразу вышла в коридор.

– Садись, – пригласил Грач, похлопав рукой по постели около себя.

Она села. Он смотрел ей в лицо, не отрывая синих глаз.

– Ты красивая девочка. Очень красивая. Зачем ты живешь с человеком, недостойным тебя?

– Откуда вы знаете, с кем я живу?

– Справки навел. Он тебя бьет, использует, унижает, ты безвылазно живешь в больнице, чтобы не зависеть от своей свекрови, так? Ты не должна так жить.

– Что вы можете знать о моей жизни? Только то, что вам рассказали девчонки – сплетни и домыслы. Вы что, были мной?

– Я тебя вижу, и мне достаточно. Я давно не встречал таких, как ты... – его голос обволакивал Алену, она плыла в каком-то тумане, а Грачев говорил, говорил, и девушка уже не понимала, о чем, просто ей нравился звук его голоса.

– Алена, я так хочу тебя... с самой первой минуты, как только увидел, хочу... Сними рубашку, – вдруг приказал он тихонько, и Алена моментально подчинилась, дернув молнию. Его рука легла на грудь, и Алене захотелось, чтобы он ее не убирал. – Наклонись поближе, я хочу тебя поцеловать, – прошептал он.

Она прижала свои губы к его, и он начал целовать ее сначала нежно, а потом жадно и требовательно. Алена уже просто изнывала от желания, а он все продолжал ласкать ее грудь здоровой рукой, спустив лямки лифчика.

– Красотуля, у нас так ничего не выйдет, я немного не в форме, – сказал он, убирая руку. – В том смысле, что мне перевязанная рука мешает, а я так тебя хочу, что не соображаю... У тебя обалденное тело, просто фантастическое... я хочу его, Аленушка... – Он провел языком по ее шее и застонал. – Боже мой, да ну ее на хрен, эту руку! – Он обхватил девушку здоровой рукой и забросил на постель, поворачиваясь и ложась сверху. Сняв лифчик, принялся целовать грудь, Алена стонала от безумного ощущения, совершенно незнакомого раньше – Вадим никогда в жизни не делал с ней такого.

– Помоги мне немного, – попросил Грачев. – Разденься сама, а то мне неудобно одной рукой...

Она скинула брюки вместе с трусиками, и Грачев закусил губу, глядя на нее.

– Что-то не так? – спросила Алена.

– Жаль, что я не смогу сейчас доставить тебе такое удовольствие, как умею... Но мы потом это обязательно исправим, да?

Дневник.

«Что накатило в тот момент на меня, не знаю, но я обняла его за шею и зашептала на ухо:

– Я тоже очень хочу тебя, никогда так никого не хотела, правда... я никогда раньше не делала такого, но с тобой...

Не знаю, что он имел в виду, говоря о каком-то еще удовольствии, но я, не видевшая ничего подобного за три года семейной жизни, была просто на небе...

Я и не подозревала, что смогу вот так, через сутки знакомства, заняться любовью с мужчиной, но с этим конкретным мужчиной мне было необыкновенно, замечательно, бессовестно прекрасно...»

– Тебе хорошо? – он целовал ее шею, ласкал языком ухо.

– Очень, – честно ответила она.

– Такое впечатление, что у тебя до меня никого и не было, – заметил Грачев. – А говорила, что замужем.

– Это только так называется, – вздохнула Алена, трогая пальцем свой синяк. – Видимость.

– Хороша видимость! – усмехнулся он и вдруг сказал: – Я хочу, чтобы ты была со мной.
– Я и так с тобой.

– Не в этом смысле – я хочу, чтобы ты была моей женщиной.

Алена решила, что он шутит.

– Ты считаешь себя обязанным мне за то, что мы сейчас сделали?

– Нет. Я просто тебя хочу.

– У тебя жар.

– Точно, – согласился он. – Вон там, – и указал глазами на вставшее колом одеяло. – Поможешь?

– Да... – выдохнула она.

Она приходила к Грачеву все три недели, что он провел в отделении. Они занимались любовью и разговаривали. Об Алене в основном. Он хотел все о ней знать, а она сама вопросов не задавала, ей было совершенно не важно, кто он, что, – она просто отдавалась ему и была этим счастлива. Дома ее страсть никому не была нужна, так только, изредка, чтобы не забывала, что замужем.

Если даже свекровь и муж заметили в Алене какую-то перемену, то промолчали. Вадим предпочел сделать вид, что ничего не происходит, старался вообще не разговаривать с женой, давая ей понять, что она недостойна его внимания. Регина Аркадьевна только поджимала губы, глядя на порхающую по квартире невестку. Алена же улыбалась, чувствовала себя легкой и невесомой, не повышала голоса и не спорила. Вернувшись домой, быстро и без возражений выполняла все прихоти свекрови, крутилась, как электровеник, и казалась абсолютно довольной жизнью.

В день выписки Грачев подарил ей огромный букет роз.

– Поедем со мной, – просил он, держа ее руку в своей. – Поедем, Аленушка, не место тебе здесь.

– Гриша, не надо, – впервые назвав его по имени, сказала Алена, опустив в пол напавшиеся влагой глаза. – Это невозможно...

– Почему? Ведь нам с тобой так хорошо вместе.

– Я замужем...

– Упрямая чертовка, – вздохнул Грачев. – Прощай тогда.

Он поцеловал ее, потом еще раз, словно хотел запомнить, как она это делает...

Вечером Вадим снова ее ударил, да так, что сломал нос. Это было последней каплей – Алена взяла свои документы и уехала в больницу. Молодой лор-врач в приемном покое долго качал головой, разглядывая ее нос:

– Ну что, Алимова, изуродовали тебе личико – носик набок останется, а жаль... Пластику бы, но это дорого очень...

Алена рыдала в голос, но сделать ничего не могла – денег нет, а бесплатно такие операции не делают...

Ночевать она осталась в больнице, в пустой спецпалате, где еще вчера лежала в объятиях Грачева. Назавтра была суббота, но Алене идти было некуда. К мужу – страшно, к матери – бессмысленно, они три года не общались, и та, кажется, успела забыть о том, что у нее когда-то была дочь. В носу стояли две трубки, даже на улицу выйти стыдно, но есть хотелось...

Алена брела к ближайшему магазину, когда сзади посигналили. Она повернулась, закрыв нос варежкой, и остолбенела, увидев Грачева, высунувшегося из черного «Мерседеса». Он выскочил из машины и подошел к ней, нагнувшись, чтобы поцеловать, но обнаружил синяки под глазами, а отведя руку в варежке от лица, увидел и нос. Его глаза сузились, под кожей

заходили желваки, он открыл дверку машины и решительно запихнул девушку внутрь, устроившись рядом.

– Домой, Андрюха! – велел он водителю. – Прогулка отменяется. Скажи-ка мне одну вещь, Алена, – обратился он к притихшей девушке, едва сдерживаясь, чтобы не орать, – ты так любишь своего мужа, что терпишь такое?

– Нет...

– Тогда считай, что я тебя похитил. Это судьба, тебе не кажется? Вот ты и со мной, красотуля моя, – он прижал ее к себе. – Сегодня же привезу доктора, он посмотрит твой носик, – он целовал ее в лоб, в щеки, в губы, стараясь не коснуться носа и не сделать больно.

– Гриш, ты серьезно? Зачем тебе это?

– Ты не допускаешь, что я влюбился?

– В меня?! Ты большой оригинал, – нервно засмеялась Алена, ожидая, что вот сейчас Грачев тоже рассмеется и признается, что пошутил.

– Почему? Ты красивая девочка, совершенно неиспорченная. Мне повезло. Просто ты устала, замучилась и почему-то совсем себя не любишь и не ценишь. Но это все поправимо.

– С чего ты решил, что я не испорченная? – Алена чуть отстранилась от него, пытаясь понять, насколько серьезен этот разговор. Но Грачев выглядел искренним и правдивым, а смотрел на нее как-то странно.

– А ты первая, кто не спросил, кто я, какая у меня машина, сколько денег, – улыбнулся он.

– Мне это совершенно неинтересно.

– А я? Я тебе интересен?

– А ты – да. У меня ни с кем так не было, как с тобой, – призналась она. – Я просто голову потеряла, со мной вообще в первый раз такое – чтобы я с больным...

– Я понял. Зачем оправдываешься? – улыбнулся он. – Я ведь к тебе специально Кочана подослал, чтобы проверить, клюнешь ты или нет.

– Гад!

– Еще какой! – захохотал Грачев. – А ты молодец, отшила его!

– Надеюсь, он обиделся?

– Еще как! Его никто раньше не отшивал. Сейчас девки падкие на деньги да на тачки крутые. Дешевки, ей-богу, – лицо Григория скривилось в презрительной гримасе. – Почему женщины так низко себя ценят, не подскажешь? За деньги готовы на все, даже не смотрят, что за человек перед ними, – бабло глаза застилает.

Алена съежилась – ей почему-то вдруг показалось, что все сказанное относится и к ней тоже. Григорий это заметил, взял за руку и ласково улыбнулся:

– Только не подумай, что я это и о тебе. Нет, просто в последнее время мне только такие шучки и попадались, и вдруг – ты...

В это время машина остановилась, Грачев вышел и подал Алене руку. Она оказалась перед огромным домом в два этажа, сложенным из красного кирпича.

– Нравится? – спросил с улыбкой хозяин.

– Не знаю...

– Ну, идем, потом оглядишься, а пока тебе прилечь надо.

Он увел ее на второй этаж, в огромную, почти пустую спальню, где стояла только круглая кровать огромных размеров и телевизор на стеклянной тумбе.

– В душ хочешь? – спросил Грачев, помогая снять куртку.

– Конечно.

– Идем.

Душ оказался рядом, не душ – целая комната с огромной ванной, душевой кабиной и высоким стеклянным шкафом, полным цветных полотенец и всяких флаконов с гелями, пенками и шампунями. Грачев вышел, оставив Алену, и она, скинув свои тряпки, встала под

душ. Разве это не мечта – обалденно красивый молодой мужик берет за руку и ведет к себе в хоромы...

– Ты не утонула, красотуля? – раздался голос Грачева за дверью. – Можно войти? Я тебе халат принес!

– Да, входи.

Он подал сначала полотенце, а потом халат – огромный, мужской, но мягкий и уютный.

– Слушай, а тебе идет! – оценил Григорий, оглядывая Алену с ног до головы. – Можно, я отнесу тебя?

– А рука?

– А и хрен с ней, с рукой! – подмигнул он, поднимая девушку и унося в спальню. – Я так хочу тебя, Аленка, удержаться не могу...

– ...Ты удивительная, – выдохнул он, откатившись от нее.

– Нет, Гриш, я обычная, – прошептала она, закрыв глаза. – Это ты заставляешь меня быть такой, я ведь даже не знала, что так бывает...

– Что, твой муж этого не делал? – ехидно спросил Гришка.

– Представь себе, нет! Быстренько дергался, как кролик, и падал спать.

Гришка хохотал от души, прижимая ее к своей груди.

– Красотулька моя... – бормотал он. – Аленушка...

От его слов у нее все внутри замирало, она чувствовала, что делает то, что он любит, что ему хорошо и не хочет он, чтобы это прекращалось.

– Аленушка, а ведь тебе надеть совсем нечего, – вспомнил Гришка через час. – Я велел шмотки твои выкинуть, там смотреть не на что.

– И в чем я теперь домой поеду? – растерянно спросила Аленка.

– Ты уже дома, – отрезал он серьезно. – А одежду я тебе куплю.

– Гриш, не путай меня с девками, которые спят с мужчинами ради выгоды, – тихо сказала девушка, глядя ему прямо в глаза.

И он понял, что она не рисуется и не набивает себе цену, а действительно так чувствует. И разозлился.

– Я прекрасно знаю, что ты не такая. Мне хочется увидеть тебя в нормальных вещах, в таких, какие ты и должна носить с твоей внешностью. А не в этом барахле с китайской толкучки. И если я предложил тебе это, значит, я так хочу. И ты должна согласиться. Ты пойми, Аленушка, кощунственно надевать на такую грудь лифчик из синтетики, ее должно касаться только настоящее, дорогое кружево. И так во всем. погоди, я еще научу тебя любить все это, – пообещал он. – А пока придется выбрать тебе наряды на свой вкус.

– Надеюсь, он у тебя не очень экстравагантный, – пробормотала Алена, опасаясь того, что Гришка нарядит ее, как валютную путанку из «Интуриста».

Внизу раздался мелодичный звон, и Гришку сдуло с постели:

– Подъем, Аленка! Врач приехал.

Закутавшись в халат, она спустилась вниз. В гостиной сидел полный, вальяжный мужчина в строгом костюме, с чемоданчиком в руках. При их появлении он встал, подал Гришке руку:

– Добрый день, Григорий Валерьевич, как здоровье? Выглядите хорошо.

– Спасибо, Давид. Я тебя вот по какому поводу пригласил – посмотри девушку, ей тут урод один носик испортил, а она у меня красотулька, нельзя нам с кривым носиком. – И он поцеловал Алену в макушку, легонько подтолкнув к доктору.

Тот вынул из чемоданчика халат, рефлектор и какие-то инструменты в стерильном свертке. Усадив девушку под лампу, аккуратно осмотрел ее нос, прощупал пальцами, покрутил голову, а потом сказал, обращаясь к Гришке:

– Ну что, картина ясная – хрящ перебит, перегородка тоже, словом, пластику нужно делать, и чем скорее, тем лучше. Можно прямо в понедельник девушку ко мне привезти, думаю, недельки через три сможете портрет заказывать. А заодно, кстати, и лицом нужно заняться – маски, массаж, все такое, а то выглядит девушка усталой и замученной.

– Давид, все, что сочтешь нужным, сделай. Ты ведь меня знаешь, я не обижу, – твердо произнес Гришка.

– Значит, до понедельника, красавица? Как вас, кстати, зовут?

– Алена.

– Алена, значит? А по отчеству?

– Зачем? – смутилась она – доктор был намного старше.

– Так положено, – внушительно ответил он.

– Сергеевна.

– Значит, Алена Сергеевна. Что ж, увидимся, был рад знакомству.

– Спасибо.

– Пока еще не за что, – весело ответил доктор, выходя из комнаты.

Алена сидела, не в силах поверить в реальность происходящего, и вдруг вспомнила, что в понедельник ей на полторушку. Но, едва только она заговорила об этом, как Гришка вспылил:

– Ты больше там не работаешь!

– Гриша, я не могу сидеть на твоей шее...

– Она у меня крепкая, тебя как-нибудь выдержит! – отрезал он. – Пойми, Аленушка, я хочу всегда видеть тебя рядом, в любое время. Поэтому думать забудь о своей больничке! Кстати, ты что-то про институт говорила?

– Говорила, – вздохнула она. – Шестой курс меда. Второй год.

– А что так? Не получается?

– Просто совмещать работу и учебу невозможно, ни сил нет, ни времени. А жить-то надо, Вадька два года не работает, не берет нигде.

– Значит, так ищет, – жестко перебил ее Гришка. – Настоящий пацан всегда может в жизни устроиться. Имея такую жену, я землю бы рыл, только чтобы ты ни в чем не нуждалась, а у вас – наоборот. Хотел бы я взглянуть на урода, ради которого ты на себе алкашей и бомжей таскала! Все, надоело мне про это! В понедельник pošлю человека в твою больницу, он все оформит, а осенью учиться пойдешь, если захочешь. И вообще – от этих разговоров что-то я проголодался, – улыбнулся он. – Пойдем, съедем что-нибудь.

Сидя за столом, Алена ловила на себе неприязненные взгляды молодой девушки, подававшей и убиравшей тарелки. Гришка тоже это увидел и, поймав домработницу за руку, тихо, но властно сказал:

– Лора, если ты еще раз позволишь себе косо посмотреть на Алену Сергеевну, то пожалеешь. Теперь она будет здесь хозяйкой. Мои слова передай всем, ничего не упусти, поняла? А если я что-то замечу... все ясно?

– Да, Григорий Валерьевич, – поспешно закивала она головой. – Извините.

– Свободна.

Ларису как ветром сдуло, а Алене стало неловко.

– Так, Аленка! – решительно произнес Грачев. – Ты это брось! Они получают деньги за работу, их никто не заставляет здесь трудиться, но за свое место они держатся зубами. И ты для них то же, что и я, запомни. И научись вести себя соответственно.

Дневник.

«Чувствую, будут у меня проблемы... Если честно, то я не думала ни о чем и ни о ком, кроме Гришки – он мне нужен как воздух, и ради него я сделаю все, что он попросит...»

После обеда Грачев уехал куда-то, велел Алене поспать, что она и сделала с великим удовольствием. Проснувшись от прикосновения Гришкиных губ к груди – лежала под одеялом голая. Увидев, что Алена открыла глаза, он заулыбался:

– Проснулась? А я сижу возле тебя минут сорок и не верю, что ты здесь, в моей постели.

– Решил убедиться на ощупь? – засмеялась девушка, обнимая его за шею.

– Будь моя воля... – прошептал он ей на ухо и взял с пола большой пакет, вытряхивая его содержимое на постель.

Там оказалась куча всякой всячины, от умопомрачительного белья до джинсового костюма, и Алена вытаращила глаза:

– Гриш, куда столько?

Он довольно улыбался, глядя на ее растерянное лицо:

– Аленушка, это такая мелочь! Потом, после операции, поедем вместе, выберешь, что сама захочешь.

И он принялся одевать и раздевать ее, как ребенок куклу. Они целовались, стоя перед зеркалом, и Алена видела, что он был на все сто процентов прав – в дорогих вещах она преобразилась, даже сломанный нос в пластыре не портил общего вида. Короткая джинсовая юбка подчеркнула длинные ноги, обтягивающая красная водолазка – грудь хорошей формы и размера... Короче, Алена очень даже ничего... Гришка поймал ее мысль:

– Теперь видишь?

– Да...

– Слушайся меня, и все пойдет как надо.

Через три недели Алена вышла из клиники пластической хирургии с совершенно прямым точеным носиком, отдохнувшая и посвежевшая. Гришка встретил ее с букетом:

– О господи, что сделал с тобой этот гад? – выдохнул он, рассматривая девушку, и она испугалась:

– Тебе не нравится?

– Да ты что?! – захохотал он, подхватывая ее на руки. – Я просто боюсь, что тебя утащат!

Придется охрану приставить.

– Зачем? – удивилась Алена, крепко держась за его шею.

– Аленушка, я вижу, что пришло время поговорить серьезно и честно, – вмиг перестал дурачиться Гришка. – Я все ждал, когда ты сама спросишь, но теперь вижу, что тебе действительно неинтересно. Но знать ты все равно должна.

– Что? Не пугай меня, Гриша. Что я должна знать?

– Мы сейчас поедем с тобой в одно место и там поговорим.

Он привез ее в клуб со странным названием «Долли». По тому, как здесь все стелились перед ним, Алена догадалась, что он не просто посетитель. Их провели в отдельный кабинет, охрана осталась снаружи, а они оказались в небольшой уютной комнате со столиком и двумя низкими кушетками. Гришка прилег на одну, притянул к себе и Алену.

– Понимаешь, Аленушка, у меня опасный бизнес, – начал он, заглядывая ей в глаза. – Туристическая фирма – «Грачев Трэвел», слыхала? – Алена кивнула, хотя и не совсем поняла, почему туристический бизнес считается опасным. – Вот. У меня почти нет друзей, зато хватает

врагов, а теперь это и твои враги, красотуля. Поэтому впредь из дому без охраны ты выходить не станешь, с тобой постоянно будет Боксер, видела – здоровый такой, черный? Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось, ведь я тебя люблю...

– Скажи это еще раз... – попросила она, закрыв глаза.

– Я люблю тебя, Аленушка.

Дневник.

«Ох, как же безразлично мне было, кто он есть на самом деле, чем занимается, только вот эта фраза заполнила мой мозг – «Я люблю тебя, Аленушка»...»

– Ты постепенно привыкнешь к моей жизни, – продолжал Грачев. – И даже полюбишь ее. Я не требую от тебя ничего, кроме осторожности и умения вовремя промолчать. Делать можешь все, что захочешь, – учись, займись каким-нибудь бизнесом, научись водить машину – словом, все, что пожелаешь. Только будь со мной, пожалуйста, ты так мне нужна, – попросил он, потянувшись к ее губам.

Всю дорогу до дома она пыталась уложить в голове все, что услышала, но Гришкины руки под водолазкой мешали ей. Не в силах больше терпеть, она села к нему на колени, задрала одежду и прижала его голову к своей груди. На Алене были чулки и тонкие трусики, которые Гришка, подняв юбку, сорвал и выкинул в окно машины.

– С ума сошел, – прошептала она ему на ухо.

– Тихо, тихо, – зажимая ей рот, шипел он. – Водитель услышит, тихо, я тебе говорю...

Дома, стоя вдвоем под душем, они хохотали, вспоминая лицо Андрея и собственную шалость.

– Ты заставляешь меня терять голову, Аленушка. Мои ребята от меня такого не ожидали.

– Я не виновата, – отбивалась она. – Не надо было меня трогать, ведь знаешь, что я не смогу удержаться.

– Аленушка, выходи за меня замуж, – неожиданно сказал Гришка.

– Что?!

– А что? Я тебе не нравлюсь?

– Больше никогда не говори глупостей! Я тебя люблю, жить не могу без тебя.

– Тогда в чем проблема?

– Я замужем.

– О, хорошо, что напомнила! Мечтаю познакомиться с твоим мужем и поломать ему пару ребер и... ну, скажем, колено.

– Гриша!

– А что? В самый раз, по-моему, а то и маловато даже...

– Я тебя прошу, не надо, – взмолилась Алена.

– Тогда у тебя только один шанс меня уговорить – выйти за меня замуж! – засмеялся Гришка.

– Да, да, да! Я выйду за тебя и буду с тобой всю жизнь! И ты об этом жестоко пожалеешь, Григорий Грачев! – пригрозила она, обнимая его мокрое тело.

– Никогда! – серьезно ответил Гришка, убирая с лица ее волосы. – Никогда, слышишь?

В конце марта Алена поехала на развод. Вадим обалдел от ее звонка, заорал в трубку:

– Я заявление в милицию написал, куда ты делаешься?! Аленка, что за дела?!

Знала она все про заявление, Гришка предусмотрел этот вариант и заплатил в милиции, чтобы особо не усердствовали.

– Вадим, – решительно сказала Алена. – Я подала на развод, двадцатого марта ты должен приехать в загс...

– Что ты сделала?! – не поверил своим ушам муж.

– Ты слышал.

– Откуда ты звонишь? Где ты?

– Это неважно. Советую тебе приехать, давай решим все по-хорошему, у меня нет претензий, у тебя, надеюсь, тоже. – Алена положила трубку.

Это было месяц назад, и вот сейчас, сидя в «крузере», она курила и ждала, когда же появится ее благоверный. В машине с ней были телохранитель Боксер и водитель Саня, рядом стояла еще одна тачка, в ней еще четверо охранников. Это Алена считала совершенно лишним, но Гришка даже слышать не хотел:

– Я сказал, и так будет!

Спорить бесполезно. Боксер следовал за ней всюду, даже до туалета провожал, и Алена за полтора месяца привыкла к нему: он был спокойный и серьезный, лишнего не говорил и не делал.

«О, а вот и Алимов пожаловал, надо же!»

Алена вышла из «крузера» и направилась к двери загса, сопровождаемая Боксером. Вадим сначала не узнал ее, еще бы – от его жены в ней почти ничего не осталось. У нее была новая стрижка – блестящие волосы лесенками падали на плечи, глаза и губы ярко накрашены, короткая юбка, кожаная куртка на песцовой подстежке, высокие сапоги без каблучков... Словом, это была не Алена – и в то же время Алена, только совсем другая, уверенная, спокойная.

– Аленка?! – ахнул муж, пытаясь дотронуться до нее и тут же остановленный рукой Боксера. – Кто это?

– Боксер, – спокойно ответила она.

– Что происходит? Ты как-то изменилась, – раздраженно сказал Вадим, оглядывая ее. – Откуда это все?

– Это неважно.

– Я это уже слышал. Ты что – спишь с кем-то? Смотрю, за это тебе неплохо платят.

– Это уже не твое дело, Вадим. Идем, нас ждут.

– А если я не хочу?

– Тогда у тебя проблемы, – пожала плечами Алена. – Боксер, конечно, тебя убедит, но мне бы этого не хотелось.

Алимов тоже решил не рисковать, молча осилил пятиминутную процедуру развода и только в самом конце бросил:

– Надеюсь, гулять по кобелям ты будешь под своей фамилией? Шевцова, а не Алимова?

– Не волнуйся, я выхожу замуж.

– Быстренько обернулась! – оценил Вадим. – Всегда ты дешевкой была, Аленка, все искала, кому бы дать повыгоднее, вот и пристроилась. Что, небедный фраер попался?

– Он не фраер. А ты дурак, Вадик, если так ничего и не понял. Слава богу, что больше я тебя не увижу! Прощай.

И Алена села в «крузер», достав сигарету и глубоко затягиваясь. Боксер с переднего сиденья повернулся к ней и успокаивающе сказал:

– Алена Сергеевна, не обращайтесь внимания – каждому уроду не докажешь, что он урод.

– Я и не собираюсь.

– Тогда – хвост морковкой?

– Да, – засмеялась Алена. – Что, на полигон поедем?

Уже вторую неделю они ездили на полигон за городом, где была трасса экстремального вождения, и Боксер учил Алену водить машину, заставляя выделять при этом такие трюки, что у нее голова шла кругом.

– Нужно уметь быстро ориентироваться на дороге в любой ситуации, – говорил он, заставляя ее на полном ходу разворачивать огромный «крузак». – Это спасет вам жизнь, если что.

– Ты готовишь меня к гонкам на выживание? – удивилась Алена.

– В некотором роде, – кивнул телохранитель.

Гришка, внимательно слушая дома ее рассказы, от души хохотал:

– Молодчина Боксер! Ты его слушайся, Аленушка, он мужик грамотный, крутейший спец, бывший спецназовец. Его услуги стоят бешеных денег, но он лучший, поэтому и с тобой.

Да, уж чего-чего, а денег на нее Гришка не жалел, страшно злясь, что тратить их она абсолютно не умела. Просто привыкла к их отсутствию и научилась обходиться минимумом, а Гришка никак не хотел этого понять. Он мог привезти ее в дорогой бутик нижнего белья и набрать там кружевных разноцветных штучек на пару тысяч долларов. Или подарить зажигалку с бриллиантовой отделкой. Количество обуви в Аленином шкафу выглядело непристойным, но это была Гришкина слабость, и он не отказывал себе в удовольствии купить особенно приглянувшиеся ему туфли или сапожки. Это удивляло – скрупулезный во всех финансовых делах, педантично считающий все до копейки, Гришка становился мотом и транжирой, если дело касалось Алены. И это при том, что ей самой и в голову не приходило попросить его о чем-то – достаточно было просто находиться рядом с ним.

Дневник.

«Думаю, он это понимал и поэтому вел себя так. Я слышала однажды, как его друг с самого детства Ванька Мазеев спросил:

– Гришаня, девочка твоя, смотрю, освоилась, не боишься без портков остаться?

– Дурак ты, Мазей, и уши холодные! Она меня любит не за побрякушки, и не нужно ей это все, поверь, знать она не знала, кто я такой, когда со мной осталась. И не смей больше заговаривать на эту тему.

С этого дня Мазей, брюнетистый красавчик с породистым лицом, смотрел на меня несколько другими глазами.

Я получила права, и Гришка хотел купить мне машину, но я отказалась – больше всего на свете мне нравилось водить старый «крузер». Гришка покрутил пальцем у виска, но махнул рукой, соглашаясь.

– Только смотри, не увлекайся – скорость затягивает, а на «крузаке» восемьдесят не ездят.

Это точно – я топала педаль в пол, не глядя на спидометр, и только когда Боксер брался за ремень безопасности, начинала сбрасывать скорость».

– Аленушка, – сказал однажды Гришка, отдыхая после порции субботних утренних ласк. – Тебе не кажется, что пора узаконить наши отношения?

Алена легла на него сверху, потерлась носом о его нос и спросила:

– А чем тебе плохо то, что есть?

– Я хочу быть уверен в том, что если со мной что-то случится, ты сможешь продолжать жить так, как сейчас.

Она вскочила и сильно ударила его по груди кулаком:

– Не смей говорить этого! Не смей меня пугать, я не желаю больше этого слышать! Никогда! – и убежала в душ, заливаясь слезами обиды – неужели он так и не понял, что ей не нужны его деньги, не нужна эта жизнь – без него?!

Гришка пришел к ней, смеясь, обнял и прижал к себе:

– Дурочка моя, ну, что ты? Зачем плачешь? Это моя жизнь, она непредсказуема, сегодня – жив, а завтра – жил, слыхала такое? Ты должна быть готова.

– Я не хочу к такому готовиться, – захлебывалась слезами Алена. – Ты понимаешь – не хочу, мне только ты нужен, больше ничего!

– Да ведь я знаю, Аленушка, – мягко сказал Гришка, целуя ее. – Не плачь, пожалуйста. Скоро лето, мы с тобой поедем отдыхать, ты же никогда не была за границей. В Испанию, например, – там очень хорошо, тебе понравится, я знаю...

Дневник.

«Он долго уговаривал меня, пустив в ход все свое обаяние, а также руки и губы. Закончилось как всегда... Вообще рядом с ним я совершенно лишилась своих комплексов, вытворяя такое, о чем раньше и подумать-то не могла, не покраснев...»

Грачев начал потихоньку выводить ее «в люди», и ему было приятно, что она нравилась его окружению, что многие смотрели на нее с неприкрытым желанием, что многие ему, Гришке, завидовали.

Кроме того, он начал вводить Алену в курс своих дел, даже иногда советовался, доверяя ее интуиции. Все настаивал, чтобы она занялась каким-нибудь делом, но она решила сперва доучиться. Еще одной постоянной темой для разговоров стал брак, и Алена в конце концов сдалась, поставив, правда, одно условие:

– Гриш, только давай без помпы, просто распишемся, и все. Не хочу я этих платьев, гостей, речей... это так банально и скучно, аж зубы ломит! Давай устроим что-нибудь не такое, как у всех.

– Есть у меня одна идея, – загорелся Гришка. – Мы с тобой распишемся и прямо из загса рванем на Кубу!

– Куда?! – поразились Алена: по ее представлениям, Куба столь же далека и нереальна, как пресловутая Атлантида.

– На Кубу, а что? Будем пить ром, курить сигары и валяться на берегу океана! – захохотал он. – Двадцать часов лёта – и на месте. Зато не как у всех.

– А давай! – согласилась она.

Они так и сделали... Гришка умолчал только об одном – двадцать часов-то от Москвы, а до нее еще почти четыре... Полтора суток в дороге, в Гаване Алену уже не держали ноги, глаза слипались, тело было ватным. Потом еще переезд на полуостров Икакос, в Варадеро... И жара...

Да еще и влажность – спать можно было только совершенно раздетой, но тогда моментально пристраивался господин Грачев, совершенно не выносивший праздного лежащего обнаженного тела жены. Это были две безумные недели, полные любви, секса, кубинской жары, ночных купаний в океане...

– Почему ты не женился раньше? – спросила как-то Алена, лежа на пляже под зонтом и потягивая апельсиновый сок.

– Не хотел. А потом тебя увидел и обрадовался, поняв, какой был молодец. А то – развод, алименты, скандалы... такая лажа, если честно! – Гришка перевернулся на живот, подставив нещадно палящему солнцу свою и так уже коричневую спину. – Вот ты была замужем, и чего? Много хорошего от поспешного брака? Синяки и сломанный нос?

– Тебя задевает, что я была замужем?

– Да с какой радости? Я до тебя тоже много чего повидал, и телок у меня было предостаточно. Я не имею права судить тебя за твое прошлое, зато вот за настоящее... Не обижайся, если что!

– Ты это серьезно? – удивилась она, сдвигая очки на кончик носа и глядя на мужа. – Ты считаешь, что я могу тебе изменить?

– Изменить? Аленушка, это так же нереально, как доплунуть до Америки! – засмеялся Гришка. – Сама посуди, где еще ты найдешь себе такого – молодой, здоровый, красивый, богатый, люблю тебя, а уж в постели что вытворяю...

Она захохотала, бросив в него журнал, который лежал у нее на животе:

– Гришка, ты нахал!

– Конечно! И поэтому теперь ты живешь со мной, лежишь на пляже, а не забила в норку со своим хорьком Алимовым. Я так люблю тебя, что проглотить готов, вот честно...

– Это намек?

– Нет, это прямым текстом. Идем в номер, здесь такая жара...

Дневник.

«Гришка не лукавил, говоря о своих возможностях в постели, я всякий раз удивлялась его изобретательности и выносливости. Только с ним я узнала, как может быть хорошо с мужчиной, потому что мой Вадик не слишком заботился об этом, считая меня не способной ни на что. Гришка же никогда не успокаивался, не доводя меня до желаемого, и считал впустую потраченной ночь, если ему вдруг это не удавалось. Но такого почти не бывало...»

На следующий день муж, заговорщицки улыбаясь, вдруг велел Алене одеться во что-нибудь удобное и сменить босоножки на кроссовки.

– Зачем? – удивилась она.

– Мне Хорхе, наш гид, рассказал, что здесь неподалеку есть чудесная рыбацкая деревушка, а там – старый заброшенный маяк. Ты когда-нибудь видела маяк?

– Конечно, нет. Разве что на картинке.

– Вот видишь! – обрадованно проговорил Григорий, вынимая из шкафа легкие белые шорты и свободную льняную рубаху. – Только представь, как это интересно – забраться на самый верх и оттуда посмотреть на океан!

Алена не разделяла его восторгов. С самого детства у нее был страх высоты, который она никак не могла преодолеть. Голова кружилась, ноги и руки становились вялыми и непослушными, даже если она просто смотрела из окна с высоты выше второго этажа, а тут вдруг маяк. Но огорчать Григория не хотелось.

На взятой напрокат машине они уехали в небольшую деревушку на севере полуострова. Старый заброшенный маяк располагался на самом краю мыса. Кругом было пустынно, только волны, ударяясь в прибрежные камни, нарушали царящую здесь тишину. Алена, держась за перила, поднималась вслед за мужем по винтовой лестнице и с каждым шагом, отдававшимся эхом в пустом помещении маяка, чувствовала все более гулкие удары сердца. Она всегда боялась таких вот заброшенных мест, казалось, населенных призраками. Подняв голову, Алена увидела под самым потолком какие-то висящие предметы.

– Летучие мыши спят, – пояснил Григорий, вызвав этим сообщением приступ паники.

Алена хорошо помнила, как однажды летним вечером ей в белую кофту вцепилась неведомо как залетевшая в сибирский город летучая мышь. Вид омерзительного существа и его

тонкий, противный писк Алена не могла забыть по сей день, а потому Гришкин комментарий привел ее в ужас. Но муж только рассмеялся:

– Ты боишься чего-то, когда рядом я? Ну ты даешь, дорогая! Уж от летучих мышей я тебя как-нибудь спасу!

– Мне совершенно не смешно, – пробормотала Алена, мечтая, чтобы этот бесконечный подъем по лестнице подошел, наконец, к завершению.

Оказавшись на самой верхней площадке и вдохнув свежего воздуха, Алена почувствовала себя немного лучше. Она крепко уцепилась за огораживавшие площадку перила и старалась не смотреть вниз, туда, где волны бились о камни. Григорий обнял ее сзади, крепко прижав к себе, положил голову ей на плечо и спросил, тепло дыша в шею:

– Правда, здесь красиво? Смотри, какой простор... и ничего вокруг, ничего и никого...

Алена заставила себя открыть глаза и взглянуть вдаль на синюю гладь. Зрелище было и впрямь изумительное – безбрежная масса воды, парящие в лазурно-синем небе чайки, изредка падающие камнем вниз и взмывающие обратно уже с рыбой в клюве...

– Гриш... – выдохнула потрясенная Алена, разворачиваясь к мужу. – Как же здорово...

И он счастливо рассмеялся, как будто именно этих слов и ждал от нее, именно за этим и привез сюда.

– Слушай, Аленушка! – сказал Григорий утром, едва открыв глаза. – Завтра улетать, а я так и не напоил тебя ромом. Сам пью, а ты все сок, сок...

– Гриш, я ж вообще почти не пью спиртное, на завтра голова раскалывается.

– А это только от паленых напитков голова болит, – наставительно изрек муж. – А я тебе настоящий, классный ром предлагаю. Вот на дорожку и развратимся немного.

Дневник.

«...Удалось, одно могу сказать... Ром оказался жуткой, крепчайшей дрянью, как его пьют – не понимаю. Лично у меня он восторгов не вызвал и воспоминаний, кроме головной боли, не оставил.

– Да, не выйдет из тебя любителя крепких напитков! – констатировал утром Гришка, растворяя в стакане с водой таблетку от похмелья.

– Это же хорошо... – через силу проговорила я.

– Да кто ж спорит! Но иногда-то надо немного...»

Обратный перелет домой оказался еще невыносимее и дольше, да плюс в Москве вылет задержали почти на сутки. Гришка снял номер в отеле рядом с аэропортом, и они почти все время проспали, едва не опоздав на самолет.

– Аленка, это ты виновата, – ругался он, уже сидя в кресле. – Все мордашку свою малевала!

– Если бы кто-то не храпел до самого выхода, все было бы отлично, – парировала она, и муж засмеялся, признавая поражение.

...Их встречал Мазей с охраной.

– Ну ни фиги себе, какие вы черные! – восхитился он, разглядывая загар. – Если бы Аленка не была блондинкой, легко сошла бы за тамошнюю! Слушай, Гришаня, я тут тему одну пробил... – И они заговорили о делах, а Алена отключилась, глядя в окно несущегося «мерса».

– ...а там, глядишь, Аленка подрастет, заменит, вот тебе и семейный бизнес.

«Ого, куда это они меня? Все подремала, балда!»

– Нет, – решительно отрезал Гришка. – Аленку в это дело не впутывай, не хватало еще!

– Зря, Гришаня, там же все легально – ночной клуб, ничего лишнего. А про начинку никому и не надо знать...

– Я сказал – нет! И не подъезжай с этим ко мне больше. Аленка там не появится никогда, она учиться будет, а через год я решу, куда ее пристроить. Или сама решит. Но туда – речи быть не может, усек, Мазей?

Разговор оборвался.

«Интересно, что такого ужасного предложил Мазей, раз Гришка так завелся? Ладно, дома выясню».

Но дома это удалось сделать только поздно ночью, подловив мужа сонным и расслабленным.

– Гриш, а чего Мазей хотел от меня? – осторожно спросила Алена, ласкаясь к нему.

– Ничего. А что он может хотеть от моей жены, интересно? – Грачев сонно потрепал ее по волосам.

– Гриш, не ври, я в машине все слышала.

– Подслушивала, чертовка? Нехорошо! – и он шлепнул жену по обтянутому шелковой рубашкой задку. Получилось чувствительно и увесисто.

– Больно! Так не скажешь? – продолжала наседать Алена. – Тогда я завтра сама Мазею позвоню.

– Ну, что ты прицепилась ко мне, Аленка? – простонал муж, пытаясь освободиться от нее.

– Скажи – и сразу отстану.

– Ох, противная девка какая! Короче, замутил наш Мазей ночной клуб, а в нем – элитный бордель для нужных людей. Но фишка в том, чтобы в каждый номер установить камеры и потом иметь кучу компромата на кого надо. А тебя Мазей хотел поставить во главе конторы – контроль там, кухня, официанты, вся обслуга.

– Ну, и в чем криминал, не пойму? – совершенно искренне удивилась Алена. – Я ж спать ни с кем сама не буду, снимать и шантажировать – тоже. Кухня, обслуга – все. Чего ты возбудился, спрашивается? Сам же хотел, чтобы я бизнесом занялась, вот и займись.

Гришка смотрел на нее во все глаза, словно впервые видел:

– Ты ж учиться хотела...

– А что помешает? Вряд ли это заведение будет работать по утрам! – засмеялась она. – И потом, Мазей ведь не завтра его откроет – помещение, оборудование, то, се, да?

– Слушай, Аленушка, а ты у меня штучка, оказывается! – удивленно протянул Гришка. – А не испугаешься потом, если вдруг что?

– А у меня «крыша» надежная!

О том, чем на самом деле занимается владелец туристической фирмы Григорий Грачев, Алена смутно догадывалась, но расспрашивать его не стала, понимая, что вряд ли ее открытия придутся мужу по душе. Не зря ведь он так старательно скрывал это.

Мазей от Алениного согласия пришел в полный восторг, улучив момент за ужином, отвел ее в угол и спросил:

– Как ты Гриху-то уболтала? Он же ни в какую не хотел!

– Есть у меня пара веских аргументов, – подмигнула она. Незвестно, о чем подумал Мазей, но вопросов больше не задавал.

В конце августа Гришка повез Алену в институт. В приемной ректора было полно народа, но господин Грачев в очередях не стоял. Ректор встретил девушку как родную, словно всю жизнь мечтал иметь такую студентку, пообещал Гришке любую помощь, которая только понадобится. Можно считать, что диплом уже в кармане. Смущало только одно обстоятельство – как ходить на занятия с Боксером? Гришка и слышать не желал о том, что она собиралась оставлять телохранителя дома, и Алене огромных трудов стоило уговорить его.

– Гриша, ты пойми – все занятия проходят в больницах, и что, Боксер за мной в палаты ходить будет, в операционные? В белом халате и колпаке?

Оба покатались от хохота, представив, как за Аленой шествует огромный невозмутимый Боксер в халате! Умора... Сошлись на том, что он будет привозить ее и встречать у кабинета после занятий. А на лекции в корпусах института она отродясь не ходила.

Первого сентября ее привезли на «круизере» прямо к крыльцу больницы, Боксер, махнув перед носом охранников какой-то красной коркой, проводил до аудитории и сказал, что заберет ровно в двенадцать. Группу собрали целиком из таких, как Алена, «академиков» и отчислянтов, все пятнадцать человек уже не по одному разу восстанавливались, так что по поводу возраста она не комплексовала – были люди и старше, а одной даме и вовсе сорок три. На первом же перерыве к Алене подсел парень чуть старше ее самой, спросил, не курит ли. Она кивнула, и они пошли на запасной выход, прихватив сигареты. Оценив Аленину золотую зажигалку, парень повертел ее в руках и, вернув, спросил:

– Дорогая, наверное?

– Понятия не имею! – честно призналась она. – Но не «Крикет», точно.

– Как тебя зовут?

– Алена Грачева.

– А я Олег Коваленко. Слушай, а я раньше нигде тебя не видел?

– Не знаю. Я лично тебя точно не встречала, у меня хорошая память на лица.

– А можно, я тебя потом домой провожу? – неожиданно спросил Олег, с интересом разглядывая ее лицо.

– Нет, нельзя. У меня и так провожатых больше чем достаточно.

– Не сомневаюсь! С такими-то данными! Слушай, а на фиг тебе медицина эта? Ты и так не пропадешь, девкам всегда проще, главное, под нужного человека лечь, и вся жизнь – сплошной праздник!

Слушать дальше стало скучно и неинтересно, Алена бросила окурок в урну и пошла в кабинет.

Дневник.

«Почему мужики такие идиоты? Можно подумать, что лечь под того, у кого полно денег, но зато тебе он сам противен до дрожи, такое пустяковое дело! Есть, конечно, девчонки, которые за деньги готовы на все, но я вот лично не из них. Не был бы мой Грачев так безумно привлекателен, я ни за какие сокровища мира не согласилась бы спать с ним».

До конца занятий Олег бросал на Алену призывные взгляды, но она не реагировала – он стал ей совершенно неинтересен. Сразу, как только преподаватель вышел, попрощавшись, Алена схватила сумку и пакет и побежала из кабинета. Боксер уже стоял под дверью, взял ее вещи и пошел следом.

– Как учеба?

– Ты что – мой папа?

– Нет, я телохранитель, и это важнее, – без тени улыбки отпаривал Боксер. – Домой?

– А куда же! – вздохнула Алена.

– В принципе, если вы хотите, то можете куда-нибудь с ребятами прогуляться, Григорий Валерьевич разрешил. Только я рядом буду.

– Еще не хватало! Что у меня с ними общего? Раньше таким была неинтересна я, а теперь вот – они мне. Вот так, Боксер, поехали лучше домой.

Боксер усадил ее в машину, и они поехали, оставив на крыльце больницы группу удивленных товарищей. Вечером Гришка выспрашивал у жены, что, да кто, да как.

– Оно тебе надо? – удивилась она. – Ты меня сейчас перед строем поставь, и я не узнаю никого из тех, с кем провела сегодня четыре часа в одной комнате. Я не за общением пошла в этот институт, не за друзьями – мне просто нужен диплом, и все.

– И что – никто даже не пристал?

– Очень смешно. Там ведь адекватный народ, это ж не курсы подготовки камикадзе – кто захочет чего-то, глядя на моего Боксера? И потом... – она подобралась к нему поближе, запустила руки в его спортивные брюки и спустила их вместе с плавками.

– Аленушка, ты невыносима... – простонал Гришка, прижимая ее голову...

– ...подумай сам, – невозмутимо продолжила она, когда все закончилось. – Разве же кто-то нужен мне так, как ты?

– Я убью тебя, Аленка, если узнаю, что ты делаешь это еще с кем-то, – тихо и серьезно сказал Гришка, притянув жену к себе.

– Зачем ты грузишь себя этой ерундой, Гриша? Никто не заменит мне тебя, и разве я дала тебе повод сомневаться во мне?

– Аленушка, конечно, нет. Просто теперь я буду реже видеть тебя...

– Можно подумать! – фыркнула Алена. – Я на занятиях только до обеда, а потом вся твоя.

– Идем, – встал Гришка из кресла, беря ее за руку. – Я хочу тебя...

С того дня так и повелось – с утра она ездила на занятия в сопровождении Боксера, днем готовилась к семинарам, валяясь на диване в гостиной, а ночью муж компенсировал время, проведенное врозь. В группе отношения не складывались, да и как, если Алена приезжала позже всех, уезжала раньше, в кафешки не бегала, да и внешний вид ее позволял думать, что она девочка непростая и точно не из рабочего квартала. И потом, все видели «круизер» и охрану, что тоже не добавляло Алене популярности.

– Что, Грачева, – ехидно поинтересовались у нее на второй же день, – папа – магнат?

– Да не папа, а спонсор!

– А может, сама заработала?

Разумеется, ее это все не трогало, она просто пропускала разговоры мимо ушей, чем только сильнее злила девчонок.

Как раз накануне зимней сессии открылся мазеевский клуб, где Алена стала управляющей. Мазей закатил такой фуршет, что глазам было больно – кого там только не было! Даже мэр пожаловал. Алена с Грачевым, естественно, тоже присутствовали – она как управляющая, а он как один из владельцев.

– Алена Сергеевна, не откажите, позвольте вас на тур вальса! – ерничал Мазей, раскладываясь с Аленой.

Они танцевали, и он на ухо ей шептал фамилии людей, которым можно и нужно предлагать и другие услуги, не обозначенные в меню. Алена следила глазами за теми, кого называл Мазей, и одна фамилия резанула – Коваленко.

– Кто это?

– Прокурор города, вон тот, полный, в полосатом костюме. А что?

– Да так. У меня в группе парень учится с такой фамилией.

– Олег?

– Да.

– Его сын. Смотри, Алена, как бы чего не вышло.

– Окстись! Ты о чем?

– Не о том, о чем ты сейчас подумала. Просто папенька может через сына пощупать, кто ты и чем дышишь.

– С чего бы ко мне интерес у прокурора? Да и с Олегом я двух слов сроду не сказала! – возмутилась Алена, и Мазей одобрительно кивнул:

– Вот так дальше и продолжай.

Она вернулась к Гришке, он поцеловал ее, словно приглашая всех убедиться, что эта блондинка в облегающем красном платье – его жена.

– Гриша, я так тебя хочу... – шепнула Алена, улыбаясь.

В этом направлении мозги господина Грачева работали быстро и четко, он подхватил жену под руку и повел в ее же кабинет, где прямо на столе и удовлетворил желание в полном объеме.

– Обалдеть! – выдохнула Алена, в изнеможении лежа на полированной столешнице.

– Точно! Когда ты успела приобрести привычку носить чулки и не носить трусики, а? – поинтересовался муж, закуривая.

– Где-то часа три-четыре назад.

– Мне теперь что – проверять перед каждым выходом из дома?

Она захохотала, задрав ноги вверх:

– Тогда мы рискуем вообще перестать куда-то выходить!

– Аленка, а я ведь люблю тебя, ты это знаешь?

– Знаю, Грачев, знаю. А то, что я не могу без тебя, ты знаешь?

– Конечно, красотуля моя.

После сдачи последнего экзамена сессии группа решила собраться вместе и отпраздновать это событие. И Алена решила – а почему нет? В конце концов, за свои пятерки она вполне заслужила легкое развлечение. Однако разрешения у мужа все равно спросила. Тот возмутился:

– Алена, ты взрослая женщина, как я могу тебе что-то запретить?

– Гриш, я твоя жена, и я должна знать, что ты не возражаешь.

– Конечно, нет. Но езжай с Боксером, совершенно серьезно говорю.

– Мне что – в сауну его с собой тащить? – возмутилась Алена. – Его там девчонки порвут!

– В сауну, конечно, лишнее, – со смехом согласился Григорий. – Но у администратора пусть посидит, чаю попьет, телевизор посмотрит. Кстати, куда собрались?

– В «Сауна-клуб».

– Отлично, там без проблем. Боксеру скажи, чтобы подошел к администратору, он все организует, денег с вас не возьмут.

– Спасибо. Ты не волнуйся, я не буду долго.

– Отдыхай, отличница.

Вечеринка удалась. Все дружно плескались в бассейне, лежали на полках в парилке, молотили друг друга дубовыми вениками. Выпивки тоже было достаточно – пиво, водка, мартини. Однако Алена не пила даже за компанию, умела веселиться и без допинга. Все было бы хорошо, если бы не Алиса Логинова, высокая блондинка модельной внешности, дочка начальника ГУВД. Алену она возненавидела с самого первого дня, не упускала случая поддеть в разговоре. И очень злилась на то, что слишком гордая Грачева ни разу не ответила так, как того ожидала Алиса, и не дала повода раздуть скандал. Сейчас, глядя на то, как Алена сидит на диванчике, затягиваясь сигаретой, Алиса вдруг громко и отчетливо произнесла:

– А знаете, почему Грачева никуда и никогда с нами не ходит? И откуда у нее такая тачка и охрана в пять лбов? Просто у нашей Аленушки мужик – крупный криминальный авторитет.

У Алены из пальцев едва не выпала сигарета, она удивленно уставилась на порозовевшую Алису:

– Что за чушь? У моего мужа туристическая компания, при чем тут криминал?

Алиса залилась хохотом, откинулась на спинку дивана и сделала вид, что вот-вот умрет от смеха:

– Ну, я не могу! Ты что, в самом деле такая дура или просто умело прикидываешься? Эта его фирма – просто «шляпа», прикрытие, чтобы иметь легальный бизнес и маскировать свои делишки!

Алена мгновенно взяла себя в руки – даже если это правда, то к чему давать кому-то повод обсуждать ее и ее мужа?

– Допустим, – прищурилась она. – И дальше?

– Дальше? А дальше – нечего из себя целку строить! Подстилка бандитская! – выпалила Алиска.

Прежняя Алена бы уже разревелась, но эта, нынешняя, что сидела сейчас с сигаретой в пальцах, лишь спокойно спросила:

– Даже если это так, то при чем здесь ты? Ты кто – судья, прокурор? Кто ты, чтобы судить моего мужа? – сузив глаза, спросила она. – Я тоже много слышу про продажных ментов, каждый день вон по телевизору рассказывают, и что? Я обвинила твоего отца в чем-то? Нет? Вот и ты рот закрой.

Алиска размахнулась, чтобы отвесить нахальной Алене пощечину, но та обожгла ее взглядом и спокойно посоветовала:

– Даже не пробуй – завтра на улицу выйти не сможешь!

И Алиска выскочила из зала в раздевалку, оглушительно хлопнув при этом дверью. У Алены испортилось настроение, она тоже стала собираться, попросив ребят продолжать гулять и не обращать внимания на скандал.

В машине она забила в самый угол и не реагировала на расспросы Боксера. В голове засела брошенная Алиской фраза о криминальном авторитете. Алене и в голову не приходило, что ее Гришка может быть замешан в чем-то темном, ну, если не считать этого участия в создании ночного клуба. Но ведь это не его идея, а Ваньки Мазея, и именно Мазей является владельцем, а Гришка просто вложил деньги... Или все не так просто? Иначе откуда эта охрана, вся сплошь из бандитского вида ребят? И что теперь делать с этим открытием? Спросить Гришку напрямую? Вдруг рассердится?

Но и не выяснить все тоже не могла.

– Боксер, давай в кафе заедем, – попросила она, тронув телохранителя за плечо.

– В какое?

– В любое, лишь бы кофе наливали, – пробурчала Алена, раздражаясь от дотошности телохранителя. Какая разница, какое кафе, – ей нужно было поговорить с ним, а в машине находился водитель, начинать разговор при котором Алена не хотела.

– «Пельмени по-сибирски» подойдут?

– Да хоть «Лепешки по-гавайски»! – отмахнулась она, вылезая из машины.

В кафе почти не было народа – место не проходное, не центр города, обычный спальный район. Они устроились за столиком в самом углу заведения, Боксер заказал кофе, Алена закурила, заметно нервничая.

– Случилось что-то? – поинтересовался телохранитель, пододвигая пепельницу.

– Даже не знаю... Слушай, ты давно знаешь моего мужа?

Боксер удивленно вскинул брови:

– В смысле?

– В смысле – ты давно у него работаешь? – уточнила Алена, постукивая пальцами по клетчатой скатерти.

– Четыре года, а что?

– Значит, ты должен знать... Только я тебя прошу – ты мне скажи правду, ладно?

– Алена Сергеевна, что происходит-то? – напрягся Боксер, пристально глядя ей в глаза, и Алена опустила их. – Вы вся взвинченная какая-то, вопросы странные задаете... Что случилось?

– Скажи мне честно – это правда, что Гришка криминальный авторитет?

– Кто? – едва не выплеснув себе на колени кофе из маленькой белой чашечки, спросил Боксер. – Что за чушь? – Но удивление было не слишком натуральным, Алена сразу это почувствовала.

– Витя, я тебя очень прошу – не ври мне, ладно? Мне больше не у кого спросить, а знать очень нужно.

– Да зачем вам это? Какая разница? Что он – меньше любить вас будет?

– При чем здесь это? – поморщилась Алена. – Может, это я меньше буду его любить!

– Ерунда! – отрезал Боксер, слегка хлопнув по столу ладонью. – Ну-ка, рассказывайте, кто и что именно вам наговорил!

Алена молчала. Значит, все правда... Иначе с чего бы Боксер так завелся? Да еще кулаком стучит по столу – никогда себе прежде такого не позволял.

Она растерялась и не знала, что теперь делать. Умом она прекрасно понимала, что рядом с Грачевым находиться опасно, но сердцем... Сердцем она была с ним, она любила Гришку, как никого прежде, и это чувство перевешивало все остальные. Алена не представляла, как жить без него, как просыпаться утром и не видеть его лица, глаз, не чувствовать прикосновений. Как это – уйти и больше никогда не быть с ним? Это было выше ее сил, и дело совсем не в материальной стороне: Алена умела жить на свою сестринскую зарплату, она с легкостью отказалась бы от всего, что имела сейчас, только бы все эти слова Алиски оказались завистливым враньем.

– Значит, не скажешь? Хорошо. Я тогда у Гришки напрямую спрошу.

– Что? – рявкнул Боксер, забыв о том, что она – его хозяйка. – Даже не вздумайте! Он вам голову отвернет, не посмотрит, что вы его жена!

– Ну, так спаси меня, – пожалла плечами Алена. – Расскажи все сам.

Боксер почувствовал себя загнанным за флажки волком – куда ни рванись, всюду плохо. Сказать – навлечь гнев Грача на свою голову, а это совсем не подарок, не сказать – упрямая Алена спросит сама, и чем это закончится, известно только Богу. Ему было очень жаль эту наивную зеленоглазую девчонку, он видел, что та искренне любит Грачева, что ей неважно, сколько денег он тратит на нее, какие подарки дарит, ее интересуется только хозяин лично, а не размер его кошелька. Такую девочку Грачев нашел себе впервые, до нее попадались сплошь хищные крыски, так и высматривавшие, чтобы урвать кусочек пожирнее. А эта как была скромной, так и осталась, к ней даже домработница Лорка стала относиться с уважением, старалась угодить, хотя Алена всякий раз смущалась и благодарила за каждую чашку чаю, поданную во время подготовки к сессии. Лорка как-то сказала ему, Боксеру:

– Знаешь, Витек, Григорию Валерьевичу повезло с Аленой. Честная девчонка, искренняя, такие редко бывают. Вот еще ребеночка бы им...

– Родят, куда денутся! Молодые оба, успеют.

И вот сейчас вся семейная жизнь хозяина была в руках телохранителя его жены. Известно, какотреагирует Алена на правду, как поведет себя, что там вообще у нее в голове творится.

– Витя, не молчи, – попросила меж тем Алена, нервно крутя в пальцах кофейную ложечку.

Виктор вздохнул, понимая, что говорить все-таки придется, хочешь не хочешь.

– Алена Сергеевна, вы только пообещайте, что сперва выслушаете, потом будете какие-то шаги предпринимать, – сказал он и, когда Алена кивнула нетерпеливо, продолжил: – В общем,

все, что вам кто-то натрепал, почти правда. Григорий Валерьевич, конечно, сам никакого отношения к криминалу не имеет и не имел никогда. Просто так сложилось – попал в нужное время в нужное место. А вот Мазей... он же судимый, вы не знали? И, хоть совсем молодой, имеет большой вес среди уголовников. А фирма туристическая – это как легальное прикрытие, хотя там все и по закону. Просто через нее Мазей деньги отмывает. Я про все его дела не буду рассказывать, просто не могу, не просите. Уже за то, что я сказал, он мне запросто голову открутит... И если вы скажете об этом мужу...

– Я не скажу, – перебила Алена. – Дальше.

– А что дальше?

– Почему тогда он не в тюрьме? Раз помогает Мазею?

– Алена Сергеевна, ну вы как маленькая, в самом деле! – грустно усмехнулся Виктор. – Если бы все, кому положено, сидели в тюрьмах, мы бы жили в идеальном обществе. Но так не бывает. И потом – нужно ведь доказать, что Григорий Валерьевич совершал что-то противозаконное. А это, как вы понимаете, проблематично – он очень осторожный человек, не выпячивается, как другие молодые, на фоне остальных выглядит сущим ангелом. И понтов этих новомодных не признает, с мигалками не ездит, на курорты заграничные на субботу-воскресенье не летает личным самолетом. Все в пределах разумного.

– Ага, разумного! – усмехнулась Алена. – Знаешь, сколько стоят мои сапоги? Если перевести на «народные» деньги, то выйдет ровно десять моих прежних зарплат. Как думаешь – это «в пределах разумного»? Или вот серьги он мне подарил на Новый год – это в каких пределах? Я раньше в этот ювелирный магазин зайти боялась, чтобы охрана не выкинула, понимаешь? А теперь у меня в ушах серьги за сто с лишним тысяч!

– Не кричите! – остановил ее Боксер, взяв за руку. – Алена Сергеевна, в мире всегда будут бедные и богатые, так всегда было.

– Но сейчас это не просто бедные и богатые – это очень бедные и чересчур богатые!

– Ну, идите, устройте революцию! – спокойно посоветовал Виктор, не выпуская ее руку из своей. – Что изменится? Вам станет легче, если всех уравниют, Грачева и Мазея посадят, а вы снова будете в больнице пьяных уродов лечить?

Алена вырвала руку, закрыла ладонями лицо и заплакала, понимая, что изменить что-либо она не в состоянии, а как теперь себя вести, просто не знает.

Неожиданная трель мобильного заставила ее вытереть слезы и ответить. Это оказался Олег Коваленко.

– Аленка, ты мне не уделишь завтра пять минут?

– Зачем?

– Ну, ты ведь знаешь, что я завалился на инфекции, может, дашь мне свои конспекты?

– Хорошо. Где и во сколько?

– Давай в торговом центре, часиков в одиннадцать, чтобы тебе рано не вставать?

– Договорились.

Алена положила трубку, а Боксер с интересом посмотрел ей в глаза:

– Кто звонил?

– Никто.

– И с этим «никем» мы завтра встречаемся в одиннадцать в торговом центре?

– Я этого не говорила.

– Зато «никто» сказал! – засмеялся Боксер. – У вашей трубки слишком мощный динамик, все слышно, – объяснил он изумленной Алене, и та тоже улыбнулась:

– Я как-то не сообразила... Только не говори Гришке, ладно? Это мой одноклассник, просил конспекты, чтобы к пересдаче готовиться.

– Договорились! – подмигнул Боксер. – Но и вы пообещайте, что перестанете думать всякую ерунду. Живите, как жили, получайте удовольствие.

– Постараюсь, – пробурчала Алена, поднимаясь из-за стола. – Поедем домой. Уже поздно.

Гришка оказался дома, сидел в кабинете и изучал какие-то бумаги. Едва услышав звук открывающейся входной двери, он убрал их в сейф и пошел в прихожую.

– Нагулялась? Что-то рановато, – целуя Алену в щеку и помогая ей снять шубу, спросил он.

– Хватит. А то привыкну, – отшутилась она, стараясь не встретиться с мужем глазами, потому что все-таки не могла сразу привыкнуть к мысли о том, что Григорий не совсем открыт с ней.

– А я тебя и не жду еще, думал, ты до ночи загуляла. А что настроение такое? – Он поднял ее голову за подбородок и заглянул в глаза, которые Алена так старалась от него спрятать. – Та-ак... что случилось, Аленушка?

– Ничего... просто... голова что-то разболелась, – соврала она, стараясь освободиться от его рук.

– Аленка, не темни! – Григорий подхватил ее на руки и закружил по прихожей. – Не темни, красотуля моя! Рассказывай, что случилось, иначе не отпущу! – Он шутливо сжал ее в объятиях, уткнувшись лицом в ее грудь.

– Гриш, да все в порядке, просто устала...

– Ужинать будем? – Он понес ее на кухню, усадил за стол и крикнул: – Лорик, корми нас!

Лариса прибежала из своей комнаты, быстро нацепила фартучек и принялась накрывать на стол.

– Вы, Алена Сергеевна, совсем ничего не едите! А занимаетесь много, нужно как-то организм поддерживать, – выговаривала Лора, наливая в Аленин стакан вишневый сок, который та предпочитала всем остальным. – Вы бы, Григорий Валерьевич, повлияли как-нибудь!

– Повлияю! – грозно рыкнул Гришка, сдвинув брови, и Алена не выдержала, фыркнула. – И не хихикай! Накажу!

Они весело поужинали, обмениваясь шутками и подколами, и Аленка сама не заметила, как перестала думать о том, что узнала сегодня в сауне. Гришка обладал каким-то удивительным умением переключать ее мысли в другое русло, настроить на мирный и веселый лад.

Позже, лежа в постели, Алена вдруг вспомнила, что купила совсем недавно книгу о врачах «Скорой помощи», достала ее и принялась читать вслух, и оба умирали от хохота, вникая в смысл баек.

– Аленушка, ты у меня такая умная, – отсмеявшись, произнес вдруг Гришка совершенно серьезно. – Тебе со мной не скучно?

Алена теребила в руках книгу и удивленно смотрела на мужа:

– А почему мне должно быть с тобой скучно?

– Ну... ты вот скоро диплом получишь, сможешь работу выбрать такую, как тебе нравится, а не кабаком заведовать.

– При чем тут это? Я не собираюсь никуда из клуба уходить. А против моей работы в больнице ты сам возражал...

– Да не в том дело, – с досадой перебил Григорий, садясь в постели и дотягиваясь до сигарет и зажигалки. – Захочешь в медицину вернуться – я тебе клинику открою, не проблема. Дело в другом. Мне Мазей сегодня сказал – посмотри на себя и на нее. Разве задержится рядом с тобой надолго такая девица?

– Твой Мазей просто дурак!

– Не спорю, – улыбнулся Гришка. – Но этот дурак иной раз может и умное что-нибудь сказать.

– Ага, и ты решил, что это как раз тот случай! – усмехнулась Алена, отложив книгу и обхватив руками колени. – Гриш... как мне может быть с тобой неинтересно? Ты ведь мой муж.

– Золотко мое, я знаю кучу семей, где женам наплевать на мужей, а мужьям – на жен! – засмеялся он, притягивая Алену к себе.

– По-моему, это уже не семьи никакие.

– А у нас? – требовательно спросил Григорий, заглядывая ей в глаза. – У нас с тобой – семья?

– Гриш...

– Тогда... может, нам ребенка завести, а, Аленушка? – поглаживая ее по обнаженному плечу, поинтересовался он, и Алена слегка растерялась:

– Гришенька, это ведь... ну, не собачка, это ребенок...

– А ты не хочешь ребенка, золотко мое?

Разумеется, она хотела, даже втайне представляла, каким может быть их малыш. Но сегодняшний Гришкин вопрос застал ее врасплох. Алена все еще не могла определиться, что делать с информацией, полученной от Алиски и Боксера, а тут... Имеет ли она право подвергать риску жизнь будущего ребенка? Сможет ли вырастить его, если вдруг... «Господи, дура, о чем я думаю!» – одернула она себя и развернулась лицом к мужу, ожидавшему ответа:

– Конечно, Гриш... конечно, я хочу ребенка, очень хочу...

Красивое лицо Грачева озарилось вдруг почти детской улыбкой, а в глазах блеснуло что-то, подозрительно похожее на слезы. Он нежно поцеловал Алену в шею и пробормотал:

– Аленушка... ты у меня самая лучшая...

Встреча с Олегом Коваленко состоялась. Алена честно привезла ему обещанные конспекты и хотела уже возвращаться к машине, когда Олег неожиданно схватил ее за руку и потащил к другому выходу, прижав к губам палец:

– Т-с-с! Молчи, Грачева, я ничего тебе не сделаю!

– Сдурел совсем?! Отпусти меня! – отбивалась Алена, но Олег был парнем не хилым и справился с ней легко.

Вытащив девушку на улицу, он затолкнул ее в дверь небольшого кафе, расположенного рядом с торговым центром, усадил за столик и радостно рассмеялся:

– Ну вот! Я тебя похитил!

– Ну и дурак, – пожала плечами Алена, вынимая из сумки мобильник, однако Олег проворно выхватил трубку из ее рук и сунул себе в карман:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.